Двадцать третий пассажир

Автор:
Себастьян Фитцек

Двадцать третий пассажир

Себастьян Фитцек

Иностранный детектив

Пять лет назад у полицейского агента Мартина Шварца без вести пропали жена и сын, путешествующие на круизном лайнере «Султан морей». Тогда круизная компания отстаивала версию суицида. Однако Мартин в это не верил. И вот ему звонит пассажирка того самого лайнера и заявляет, что он должен немедленно явиться на борт «Султана морей», у нее есть доказательства того, что его жена не по своей воле бросилась в море. Более того, возможно, его сын еще жив, а на лайнере происходят странные вещи. Бросив все дела, Мартин отправляется в нежеланное путешествие, преисполненный решимости докопаться до истины…

Себастьян Фитцек

Двадцать третий пассажир

Passagier 23

Copyright © 2014 by Verlagsgruppe Droemer

Knaur GmbH & Co. KG, Munich Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

Начиная с 2000 года во всем мире по меньшей мере 200 пассажиров и членов судовых команд круизных теплоходов и паромов оказались за бортом судна.

«Бесследно исчезли» (Тагесшпигель. 25.08.2013)

Круизный лайнер похож на небольшой городок. Но в обычном городе никто не в состоянии в один прекрасный день прыгнуть за борт, чтобы исчезнуть навсегда.

Американский конгрессмен Кристофер Сейз (Гардиан. Лондон, 2010)

Рекордное число пассажиров: круизная отрасль преодолела планку в 20 миллионов пассажиров. […] Отрасль отмечает прирост в 10 процентов, но ее потенциал еще далеко не исчерпан.

«Шпигель» онлайн. 11.09.2012

Пролог

Человеческая кровь:

• 44 процента гематокрит.

• 55 процентов плазма.

• И настоящее свинство, если она, выйдя из-под контроля, брызнет во все стороны из пульсирующей артерии.

Доктор, как он любил себя называть, хотя, совершенно определенно, не защищал докторскую диссертацию, вытер лоб тыльной стороной ладони. При этом он только размазал капли крови, попавшие на него, что, очевидно, выглядело со стороны довольно мерзко, но зато теперь кровь не попадала ему в глаза; как это случилось в прошлом году, при «обработке» проституток, после которой в течение шести недель он трясся от страха, боясь заразиться ВИЧ, гепатитом С или еще какой-нибудь гадостью.

Он терпеть не мог, когда что-то шло не по плану. Когда неправильно рассчитывалась дозировка обезболивающего средства. Или когда избранные в последний момент начинали сопротивляться и вырывали иглу из вены.

– Пожалуйста, не надо… нет, – пробормотал его клиент. Доктор предпочитал употреблять именно это слово. «Избранный» было слишком высокопарным, а «пациент» звучало не к месту, так как действительно больными были лишь немногие из тех, кто обращался к нему за помощью. И этот малый, лежавший на операционном столе, был здоров как бык, хотя в настоящий момент у него был такой вид, словно его подключили к высоковольтной линии электропередачи. Чернокожий атлет закатывал глаза и выгибал спину, тщетно пытаясь разорвать путы, которые удерживали его на кушетке. Из его рта пошла пена. Это был натренированный спортсмен, и в свои двадцать четыре года он находился на пике своей физической формы. Но какое значение имели теперь все эти годы тяжелых тренировок, когда теперь по его венам струился наркотик? Его было недостаточно, чтобы атлет полностью отключился, ведь подача анестезии прервана, однако этого вполне хватило, чтобы доктор без труда удержал его на кушетке, после того как самый тяжелый приступ миновал. И кровь не била больше фонтаном, после того как доктору удалось наложить давящую повязку.

– Тише, тсс, тсс, тсс, тсс.

Доктор положил руку на лоб спортсмена, чтобы тот успокоился. Его лоб пылал, на коже выступили мелкие капельки пота, блестевшие в свете галогенной лампы.

– Что это вдруг в вас вселилось?

Клиент открыл рот. В его глазах читался панический страх. Доктор с трудом разбирал слова, срывавшиеся с его запекшихся губ.

– Я… не хочу… уми…

– Но, но, мы же с вами договорились, – успокаивающе улыбнулся доктор. – Все уже устроено. Только не вздумайте идти на попятный незадолго до идеальной смерти.

Он бросил взгляд через открытую дверь в соседнюю комнату, на стол со скальпелями и электропилой для распилки костей, которая уже была включена в розетку.

– Разве я не разъяснил вам все до мелочей? – Он тяжело вздохнул. Конечно, он сделал это. Часами убеждал его. Снова и снова, однако, очевидно, этот неблагодарный болван так ничего и не понял. – Конечно, все будет очень неприятно. Но только таким образом я смогу заставить вас действительно умереть. По-другому просто не получится.

Легкоатлет жалобно застонал. Попытался вырваться из прочных петель, которые сковали его руки и ноги, правда уже далеко не так энергично, как прежде.

Доктор с удовлетворением отметил, что наркоз начал наконец действовать. Еще немного – и можно было начинать «обработку» клиента.

– Видите ли, я мог бы остановить процесс, – сказал он, не убирая руки со лба спортсмена. Другой рукой он поправил стерильную маску. – Но тогда вся ваша жизнь будет состоять из страха и боли. Невообразимой боли.

Темнокожий спортсмен несколько раз моргнул. Постепенно его дыхание начало успокаиваться.

– Я же показывал вам фотографии. И видео. Со штопором и половинкой глаза. Вы же не хотите испытать нечто подобное, не так ли?

– Хмхмххммм, – простонал клиент, словно у него во рту был кляп, потом черты его лица расслабились и дыхание стало менее глубоким.

– Я буду считать, что это означает «нет», – сказал доктор и ногой снял каталку с тормоза, чтобы перевезти клиента в соседнее помещение.

В операционную.

Три четверти часа спустя первая и самая важная фаза «обработки» клиента была завершена. На руках доктора уже не было резиновых перчаток, а маску и одноразовый халат зеленого цвета, завязывающийся на спине как смирительная рубашка, он бросил в мусоропровод. Тем не менее в смокинге и темных лакированных туфлях, которые были теперь на нем вместо экипировки хирурга, доктор чувствовал себя так, словно оделся для маскарада.

Словно оделся для маскарада и был под хмельком.

Он уже не помнил, когда это началось, что после каждой удачной «обработки» клиента он позволял себе пропустить глоточек. Или десять, как только что. Проклятье, с этим надо завязывать, хотя он еще никогда не пил до операции, а только после нее. Тем не менее. Водка сделала его легкомысленным.

Навела на глупые мысли.

Как, например, на такую: «А не прихватить ли ногу с собой?»

Хихикнув, он посмотрел на часы.

Уже было двадцать часов тридцать три минуты; он должен был спешить, если не хотел опоздать к подаче главного блюда. Закуску он уже пропустил. Однако, прежде чем заняться жареной цесаркой, которая была сегодня в меню, ему надо было сначала утилизировать биологические отходы – так и не понадобившуюся консервированную кровь и правую голень, которую он отпилил сразу под коленкой. Это была отлично выполненная чистая работа.

Голень была завернута в саморазлагающийся пластиковый пакет, она оказалась такой тяжелой, что когда он вышел на лестничную клетку, то ему пришлось нести ее двумя руками.

Доктор чувствовал, что опьянел, но не настолько, чтобы не осознавать, что в трезвом состоянии ему никогда не пришла бы в голову мысль открыто таскать с собой части тела, вместо того чтобы просто выбросить их в установку для сжигания мусора. Но он так рассердился на своего клиента, что не смог отказать себе в удовольствии и рискнул. Да и риск-то был невелик. Совсем невелик.

Сегодня по судовому радио передали штормовое предупреждение. Он пройдет по запутанным переходам, минует узкую шахту, по которой можно было передвигаться только согнувшись, и по коридору с желтыми вентиляционными трубами доберется до грузового лифта, а на палубе наверняка не встретит ни души.

Кроме того, место, которое он выбрал для утилизации отходов, не просматривалось ни с одной из камер видеонаблюдения.

Возможно, я слегка пьян, но не глуп.

Он преодолел последний отрезок пути, оказался на площадке верхнего конца лестницы, которой ремонтная бригада пользовалась – если вообще пользовалась – лишь раз в месяц, и потянул за ручку тяжелой двери с иллюминатором.

Ему в лицо подул сильный ветер, и у него появилось такое чувство, словно он уперся в стену, которую ему предстояло преодолеть, прежде чем выйти на палубу.

На свежем воздухе у него резко упало давление. В первое мгновение ему стало плохо, но он быстро взял себя в руки, а соленый морской воздух вновь вернул его к жизни.

Теперь он пошатывался уже не из-за алкоголя, а из-за сильного волнения на море, которое благодаря стабилизаторам не так ощущалось внутри «Султана морей».

Широко расставляя ноги, он зашагал, пошатываясь, по деревянному настилу. Сейчас он находился на так называемой «палубе 8», промежуточной площадке, которая существовала только для красоты. Если смотреть издали, то она придавала кормовой части круизного лайнера более элегантную форму, так же как спойлер в спортивном автомобиле.

Доктор добрался до самого дальнего края левого борта кормы и перегнулся через поручни. Под ним бушевал Индийский океан. Направленные назад прожекторы освещали горы пены, которые оставлял позади себя круизный теплоход.

Собственно говоря, доктор хотел еще громко продекламировать какое-нибудь подходящее изречение, типа «Hasta la vista, Baby» («До встречи, детка») или «Буду готов, когда будете готовы вы», но ему в голову не приходило ничего веселого, поэтому, размахнувшись пошире, он молча бросил пакет с голенью спортсмена за борт.

«В теории это воспринималось в некотором смысле лучше», – подумал он, постепенно трезвея.

Ветер так громко свистел в его ушах, что он не мог слышать легкий всплеск, с которым голень упала в волны океана с высоты пятидесяти метров. Зато он четко услышал голос у себя за спиной:

– Что это вы здесь делаете?

Он быстро обернулся.

Особа, перепугавшая его до смерти, слава богу, не являлась взрослым сотрудником корабельной команды или службы безопасности, а оказалась всего лишь юной девочкой; не старше той малышки, которую он «обработал» вместе со всей ее семьей у западного побережья Африки два года тому назад. Она сидела, скрестив ноги, рядом с кондиционером или еще каким-то агрегатом. Доктор не разбирался в технике настолько же хорошо, насколько хорошо умел обращаться со скальпелем.

Он не заметил ее, девочка была совсем маленькой, а на палубе было довольно темно. Даже сейчас, когда доктор пристально всматривался в темноту, он мог

видеть только смутные контуры ребенка.

– Я кормлю рыбок, – ответил он, радуясь тому, что ему удалось произнести это спокойным тоном, не обнаруживая охватившее его волнение. Девочка не представляла для него угрозы, но все же свидетели ему не нужны.

– Вам дурно? – спросила она. На ней была светлая юбка с темными колготками и спортивная куртка с капюшоном. Из предосторожности она надела красный спасательный жилет, такие жилеты лежали в шкафу в каждой каюте.

Славная девчушка.

– Нет, – ответил он и ухмыльнулся. – Мне хорошо. Как же тебя зовут?

Постепенно его глаза привыкли к темноте. У девочки были длинные волосы до плеч и немного оттопыренные уши, что ее совсем не портило. Наоборот. Он мог бы поспорить, что при свете дня в ней можно было бы рассмотреть привлекательную молодую женщину, в которую она однажды превратится.

– Меня зовут Анук Ламар.

– Анук? Это французское уменьшительное имя от Анны, верно?

Девочка улыбнулась.

– О, вы и это знаете?

– Я много чего знаю.

– Ах так! Тогда, может быть, вы знаете, почему я сижу здесь?

Ее дерзкий голосок звучал очень высоко, ей приходилось повышать голос, чтобы перекричать ветер.

– Ты рисуешь море, – догадался доктор.

Она прижала к груди альбом для рисования и усмехнулась:

– Это было легко. Что вы еще знаете?

– Что тебе здесь нечего делать и давно пора быть в постели. Куда подевались твои родители?

Она вздохнула:

– Моего отца уже нет в живых. А где моя мать, я не знаю. По вечерам она часто оставляет меня одну в каюте.

– А там тебе скучно?

Девчушка кивнула.

– Она всегда возвращается очень поздно, и тогда от нее воняет. – Затем, понизив голос, она добавила: – Табаком. И вином. И она храпит.

Не выдержав, доктор рассмеялся:

– Иногда это случается с взрослыми.

Послушала бы ты, как храплю я. Он показал на ее альбом:

– Неужели ты смогла сегодня что-то нарисовать?

– Нет. – Она покачала головой. – Вчера были видны чудесные звезды, но сегодня все небо затянуто тучами.

– И сегодня к тому же холодно, – согласился с ней доктор. – Как ты считаешь, не пора ли нам поискать твою маму?

Анук пожала плечами. По ее виду было заметно, что она не очень обрадовалась, однако ответила:

– О’кей, почему бы и нет.

Она легко встала без помощи рук.

– Иногда она торчит в казино, – сказала девочка.

– О, это как нельзя кстати.

– Почему?

– Потому что я знаю короткий путь туда, – с улыбкой ответил доктор.

Он бросил последний взгляд через леерное ограждение на океан, который в этом месте был таким глубоким, что нога легкоатлета, возможно, еще не достигла дна. Потом он взял девочку за руку и повел ее к лестничной клетке, которую только что сам покинул.

Глава 1

Берлин

Дом, в котором должна была состояться смертельная вечеринка, выглядел точно так же, как домик, о котором они раньше мечтали. Стоящий в отдалении от других коттеджей, с красной черепичной крышей и большим садом за аккуратным забором из белого штакетника. По выходным они бы жарили мясо или сосиски на гриле, а летом поставили бы на лужайку надувной бассейн. Он пригласил бы друзей, и они болтали бы о работе, о причудах своих вторых половинок или просто лежали бы в шезлонгах под зонтиком и смотрели на резвящихся детей.

Они с Надей уже присмотрели себе такой домик, Тимми как раз только что пошел в школу. Четыре просторные комнаты, две ванные, камин. С оштукатуренными стенами кремового цвета и зелеными ставнями. Совсем

недалеко отсюда, на границе между берлинскими районами Вестэнд и Шпандау, всего лишь в пяти минутах езды на велосипеде до начальной школы Вальдгрундшуле, где тогда преподавала Надя. Поблизости от спортивных площадок, где его сын мог бы играть в футбол. Или в теннис. Или заниматься каким-нибудь другим видом спорта.

Но тогда такой домик был им не по карману.

А сегодня уже не осталось никого, кто бы мог где-нибудь поселиться вместе с ним. Надя и Тимми были мертвы.

Как вскоре будет мертв и двенадцатилетний подросток в доме, за которым они сейчас наблюдали и который принадлежал некоему господину по имени Детлеф Прига, если они будут и дальше попусту терять время, сидя здесь в своем черном вэне.

– Ну все, я иду к ним, – сказал Мартин Шварц. Он сидел сзади, в лишенной окон задней части фургончика. Мартин бросил в пластиковое ведро для мусора одноразовый шприц, молокообразное содержимое которого он только что ввел себе в вену. Потом он встал и на мгновение задержался перед столиком с компьютером, на экране которого был виден внешний вид объекта полицейской операции. Его лицо отразилось в затемненных стеклах автомобиля. «Я выгляжу как наркоман, которого лишили очередной дозы», – подумал Мартин, и это было оскорблением. Для любого наркомана.

Он сильно похудел за последние годы, значительно сильнее, чем это можно было бы считать полезным для здоровья. Только его нос оставался таким же массивным, как и прежде. Здоровенный паяльник, который из поколения в поколение передавался всем мужчинам их рода и который его покойная жена находила очень сексуальным, что Мартин считал бесспорным доказательством того, что любовь действительно ослепляет. Вообще-то этот носяра придавал его лицу добродушное, вызывающее доверие выражение; время от времени незнакомые люди кивали ему на улице, лежавшие в коляске младенцы улыбались, когда он склонялся над ними (возможно, они принимали его за клоуна), а женщины иногда начинали откровенно флиртовать с ним даже в присутствии своих мужей.

Но сегодня они не стали бы этого делать, наверняка нет, пока на нем были эти шмотки. Плотно облегающий черный кожаный костюм, который он напялил на себя, неприятно похрустывал при каждом вдохе. Когда Мартин протискивался к выходу из фургона, его костюм так громко хрустел, словно кто-то завязывал узлом огромный воздушный шарик.

– Стой, подожди! – воскликнул вдруг Армин Крамер, полноватый комиссар, который руководил операцией и уже несколько часов сидел напротив Мартина за компьютерным столиком.

– Чего ждать?

– Подожди, пока…

В этот момент зазвонил мобильник Крамера, и он запнулся на полуслове, так и не закончив фразу, и поприветствовал звонившего красноречивым «Хм?». В ходе дальнейшего разговора он ограничился только короткими репликами: «Что?», «Нет!», «Ты издеваешься надо мной!», «И скажи засранцу, который запорол все дело, чтобы он потеплее оделся. Почему? Потому что в октябре на улице собачий холод, а он в течение нескольких часов будет валяться перед участком, когда я его отделаю».

Крамер отключил телефон.

– Твою мать.

Комиссар любил выражаться как американский коп из отдела по борьбе с распространением наркотиков. И так же выглядел. Он носил стоптанные ковбойские сапоги, рваные джинсы и рубашку, рисунок которой в косую красно-белую клетку напоминал кухонное полотенце.

– В чем проблема? – поинтересовался Шварц.

– В Йенсене.

– А что с ним?

И как этот тип может доставлять нам какие-то проблемы? Он же сидит у нас в одиночной камере.

– Не спрашивай меня как, но этот ублюдок умудрился послать Приге СМС-сообщение.

Шварц кивнул. Эмоциональные взрывы, подобные тем, что случались с его начальником, который в ярости буквально рвал на себе волосы, были ему чужды. Кроме укола адреналина прямо в сердечную мышцу вряд ли что-то могло бы заставить его пульс биться чаще. И уж никак не сообщение, что какому-то бывшему зэку удалось заполучить в одиночной камере наркотики, оружие или, как этому Йенсену, сотовый телефон. Жизнь в тюрьме была организована лучше, чем в любом супермаркете, с более богатым выбором товаров и с более удобным временем обслуживания клиентов. В том числе по воскресеньям и праздничным дням.

– Он предупредил Пригу? – спросил Мартин Крамера.

– Нет. Подонок позволил себе пошутить, однако это равнозначно тому, что он его предупредил. Он хочет, чтобы ты попал в ловушку.

Комиссар помассировал мешки под глазами, которые с каждой новой полицейской операцией становились все больше. «Если бы я захотел отправить их по почте, то мне пришлось бы отправлять их бандеролью», – пошутил недавно Крамер.

– Это как же?

– Он написал ему, чтобы Прига не пугался, если он вдруг тотчас заявится к нему на вечеринку.

– Почему не пугался?

– Потому что он якобы споткнулся и выбил себе резец. Вверху слева.

Крамер прикоснулся своими пухлыми пальцами к соответствующему месту во рту.

Шварц кивнул. Он никак не ожидал такой креативности от мерзкого извращенца.

Он посмотрел на свои часы. Было несколько минут шестого.

Еще немного, и уже будет слишком поздно.

– Проклятье! – В сердцах Крамер стукнул кулаком по крышке компьютерного столика. – Так долго готовились, и все коту под хвост. Нам придется отменить операцию.

Комиссар привстал со своего места, чтобы перебраться на переднее сиденье.

Шварц уже открыл рот, чтобы возразить, но тотчас понял, что Крамер был прав. Почти полгода они готовились к этому дню. Все началось со слуха в среде педофилов-извращенцев и геев, который казался таким невероятным, что долгое время его считали городской легендой. Однако, как выяснилось позднее, подобные «баг-парти»[1 - От английского bug – вирус и party – вечеринка.] были не страшными сказками, а действительно существовали. На так называемых «баг-парти» ВИЧ-инфицированные вступали в незащищенный половой контакт со здоровыми людьми. Чаще всего это происходило с обоюдного согласия партнеров, что делало такие мероприятия, на которых опасность заразиться должна была способствовать повышению остроты ощущений, скорее случаем для психиатра, а не для прокурора.

По мнению Шварца, взрослые люди могут делать с собой что угодно, если это происходит добровольно. Его лишь возмущало то обстоятельство, что из-за безумного поведения сексуального меньшинства излишне усиливались глупые предрассудки, которые имелись у многих в отношении ВИЧ-инфицированных. Так как, разумеется, подобные «баг-парти» являлись абсолютным исключением, в то время как подавляющее большинство инфицированных осознавало свою ответственность перед обществом, а многие из них даже вели активную борьбу против болезни и социальной стигматизации ее жертв.

Это была борьба, призванная искоренить самоубийственные «баг-парти».

Тем более подобные психопатические варианты.

Новым направлением в этой субкультуре были «мероприятия», во время которых насиловались и заражались вирусом иммунодефицита невинные жертвы. Чаще всего несовершеннолетние. И перед публикой, которая платила за зрелище. Новый аттракцион на ярмарке гнусности, палатки которой были открыты в Берлине круглые сутки. Часто в приличных районах и в домах добропорядочных граждан, о которых нельзя было даже подумать, что они способны на что-либо подобное. Как, например, сегодня здесь, в Вестэнде.

Детлеф Прига, человек, который в обычной жизни продавал различные медицинские товары, был желанным партнером городского Управления по делам молодежи, ведь он регулярно забирал к себе самых трудных приемных детей. Детей, подвергавшихся домашнему насилию, имевших проблемы с наркотиками и алкоголем, которые повидали в своей жизни больше приютов, чем обычных классных комнат. Заблудшие души, которым часто не оставалось ничего другого, как соглашаться на секс, чтобы им позволили где-нибудь переночевать. Никого не беспокоило, когда они через некоторое время вновь сбегали и скитались по стране, пока их, больных и одичавших, вновь не подберут социальные работники. Они были идеальными жертвами, нарушителями спокойствия, избегавшими встреч с полицией, которым уже редко кто верил, если они были вынуждены вновь обратиться за помощью.

Также и Лиам, двенадцатилетний беспризорник, который уже месяц жил в доме Приги, вскоре после сегодняшней вечеринки будет снова выброшен на улицу. Но прежде ему придется на глазах присутствующих гостей заняться сексом с Куртом Йенсеном, сорокатрехлетним ВИЧ-инфицированным педофилом.

Прига познакомился с Йенсеном через специальные сайты в Интернете и в результате попал в сети полиции.

Между тем педофил уже две недели находился в предварительном заключении. За это время Шварц подготовился к тому, чтобы выступить в роли Йенсена, что было относительно легко, так как Прига и Йенсен не обменивались фотографиями. Мартину пришлось лишь напялить на себя облегающий кожаный костюм (так пожелал Прига, который хотел снять все на видео) и обрить наголо голову, так как Йенсен описал себя высоким, худым, зеленоглазым и лысым. Эти приметы вполне подходили и к Мартину Шварцу благодаря тому, что он побрил голову и вставил контактные линзы.

Самой большой трудностью в маскировке агента оказался положительный тест на ВИЧ, наличие которого потребовал Прига. И не заранее, а его нужно было провести прямо на вечеринке. Прига сообщил, что уже приготовил для этого ускоренные пробы из голландской интернет-аптеки. Достаточно одной капельки крови – и через три минуты результат появится в смотровом окошке контрольной полоски.

Шварц знал, что именно из-за этой, самой по себе неразрешимой проблемы его и выбрали для проведения этой операции. С момента гибели его семьи он считался в полицейских кругах своего рода ходячей «бомбой замедленного действия». Тридцативосьмилетний тайный агент, работающий под прикрытием, неумолимо приближался к своему пенсионному возрасту. К тому же он обладал таким важным качеством, которое в экстренных случаях не раз спасало жизнь ему лично и его команде, как абсолютное отсутствие чувства страха.

Уже четыре раза полицейские психологи проверяли его. И все четыре раза они приходили к выводу, что он так и не справился с самоубийством своей жены – и особенно с тем обстоятельством, что она до самоубийства сначала лишила жизни их сына. Четыре раза психологи рекомендовали отправить его на досрочную пенсию, так как человек, который не видит смысла в своей жизни, может пойти на безответственный риск при исполнении своих служебных обязанностей.

И все четыре раза они были абсолютно правы.

И тем не менее сегодня он снова сидел в полицейском фургончике, и не только потому, что был лучшим в своей профессии. Но прежде всего потому, что никто не согласился добровольно ввести себе в кровь антитела ВИЧ, чтобы фальсифицировать результат ускоренной пробы на наличие вируса иммунодефицита. И хотя благодаря специальному методу стерилизации сыворотка крови была очищена от возбудителей, вызывающих СПИД, но полицейский врач не гарантировал ему стопроцентную безопасность, поэтому сразу после завершения операции Шварц должен был в течение четырех недель пройти курс медикаментозного лечения, так называемую постэкспозиционную профилактику, сокращенно ПЭП. Однажды ему уже пришлось испытать на себе этот метод, после того как один наркоман уколол его в шею окровавленным шприцем. В инструкции к пилюлям, которые надо было принять не позднее чем через два часа после контакта с ВИЧ-инфицированным, было написано, что могут возникнуть такие побочные явления, как головные боли, понос и рвота.

Очевидно, Шварц оказался более восприимчивым, чем другие испытуемые. И хотя он не блевал и не сидел дольше, чем обычно, на горшке, зато сильнейшие приступы мигрени доводили его до потери сознания.

– Я должен идти, – сказал он Крамеру, глядя на монитор.

В течение последних десяти минут в дом никто больше не входил. За время наблюдения они насчитали семь гостей, пять мужчин и две женщины. Все они прибыли на такси. Практично, если не хочешь, чтобы кто-то записал номера припаркованных автомобилей.

– А что, если Приga принял во внимание все возможности и пригласил кого-то на замену на тот случай, если я пойду на попятный? – спросил Шварц. По всей вероятности, гости были здоровы. Разумеется, не в психическом, а в физическом смысле. Но наверняка они этого, конечно, не знали.

Крамер покачал головой:

– Вряд ли найдется много инфицированных педофилов, готовых на что-либо подобное. Ты же знаешь, как долго Приге пришлось искать Йенсена.

Да. Он это знал.

Тем не менее. Риск был слишком велик.

Но они не могли также просто взять дом штурмом. Они не смогли бы ничем обосновать свои действия. Изнасилование должно было произойти в подвале. У Приги были собаки, которые уже успели облаять каждого посетителя. Даже если бы они действовали молниеносно, им бы не удалось взломать двери и поймать преступников с поличным. А тогда за что они должны были бы арестовать присутствующих? Это же не преступление – закрыться в котельной и установить видеокамеру перед матрасом. Даже в том случае, если на этом матрасе лежал обнаженный по пояс двенадцатилетний мальчик. В лучшем случае они могли бы лишь на несколько часов взять под стражу Пригу и его гостей. В худшем случае это послужило бы для психопатов предупреждением.

– Мы не можем допустить, чтобы двенадцатилетний мальчик был изнасилован и заражен ВИЧ-инфекцией, – возмутился Шварц.

– Я не знаю, может быть, до этого я говорил слишком быстро, – сказал Крамер и с ударением повторил каждое слово так медленно, словно разговаривал со слабоумным: – Ты не сможешь туда войти. У тебя. Еще. Все. Зубы. На месте!

Шварц поскреб подбородок, заросший трех- или семидневной щетиной. Он не мог точно сказать, когда в последний раз ночевал дома.

– А что с нашим доком, где Малхов?

– Врач нашей опергруппы? – Крамер посмотрел на Шварца так, словно тот попросил у него памперс для взрослых. – Послушай, я знаю, что у тебя не все дома, но даже ты не можешь быть чокнутым настолько, что позволишь вырвать себе здоровый зуб. А если даже и так… – Он посмотрел на часы. – Малхов будет здесь не раньше чем через двадцать минут, для анестезии потребуется еще минуты три, и операция займет не менее пяти минут. – Комиссар показал на монитор с видом дома спереди. – Кто сказал тебе, что самое большое через полчаса вечеринка не закончится?

– Ты прав, – сказал Шварц и устало опустился на скамью с мягкой обивкой у боковой стенки фургона.

– Итак, даем отбой? – спросил Крамер.

Шварц не ответил и запустил руку под сиденье. Он вытащил свой зеленый армейский вещмешок, который брал с собой на каждую операцию.

– Что ты задумал? – насторожился комиссар.

Шварц выбросил на пол фургона свои старые шмотки, вместо которых надел кожаный костюм, и начал рыться в глубине мешка.

Прошло несколько секунд, и он уже отыскал среди мотков проволоки и рулонов клейкой ленты, среди батареек и инструментов искомый предмет.

– Скажи мне, пожалуйста, что это только шутка, – сказал Крамер, когда Мартин попросил у него зеркало.

– Забудь об этом, – спокойно ответил Шварц, пожимая плечами. – Я справлюсь и без зеркала.

После этих слов он поднес клещи к своему левому верхнему резцу.

Глава 2

Шесть часов спустя

– Вы окончательно свихнулись.

– Спасибо, фрау доктор, что вы в такой деликатной форме сообщили мне об этом.

– Нет, действительно.

У загорелой молодой докторши был такой вид, словно она собиралась устроить ему взбучку. Сейчас она спросит, не считает ли он себя Рембо, как это уже сделали Крамер, начальник подразделения спецназа берлинской полиции, оба санитара службы спасения и полдюжины других коллег, когда операция закончилась.

Зубной врач берлинской клиники «Шарите», согласно бейджику на ее халате доктор Марлис Фендрих, возмущенно хватала ртом воздух сквозь одноразовую небесно-голубую защитную маску.

– Кем вы себя считаете? Рембо?

Он улыбнулся, что было ошибкой, так как из-за этого холодный воздух попал на обнаженный нерв. Он сломал себе зуб у самой челюстной кости, и теперь острая

боль пронзала его голову всякий раз, когда он прикасался языком к корню зуба.

Кресло, в котором он сидел, опустилось, и теперь он полулежал на спине. Над его головой появилась широкая дуговая лампа, свет которой ослепил его.

– Откройте рот! – приказала врач-стоматолог, и он повиновался.

– Вы знаете, как трудно снова восстановить зуб? – донеслось до него. Она склонилась к его лицу так близко, что он мог видеть даже поры кожи ее лица. В отличие от него она уделяла большое внимание совей внешности. Последний пилинг лица ему сделали около года тому назад. Тогда два здоровенных словенца проволокли его лицом по асфальту на автостоянке при автостраде.

Дело всегда кончалось скверно, когда его подводила маскировка.

– Вы оставили мне всего лишь какой-то миллиметр зуба, этого слишком мало, чтобы поставить на него коронку, – продолжала ворчать Марлис. – Мы можем попытаться сделать экструзию, другими словами удалить корень, который еще сидит в челюсти. Конечно, хирургическое наращивание коронки было бы предпочтительнее, тогда мы, возможно, обошлись бы без имплантации, правда, прежде надо было бы основательно прочистить корневой канал. После того, что вы сделали с собой, полагаю, вам не понадобится анестезия, если я немного посверлю кость…

– Двенадцать! – прервал поток ее слов Мартин.

– Что «двенадцать»?

– Столько лет было мальчику, которого они приковали к качелям. Они вставили ему в рот специальный зажим, чтобы бедняга не мог закрыть его и таким образом уклониться от орального секса. Я должен был заразить его СПИДом.

– Боже мой!

Лицо докторши потеряло большую часть отпускного загара. Шварц задался вопросом, где она могла провести отпуск. В середине октября надо было улетать подальше от Европы, чтобы понежиться на солнышке. Или надо, чтобы тебе

повезло с погодой. Как ему с Надей шесть лет тому назад. Это была их последняя поездка на Майорку. Они смогли отпраздновать десятилетие Тимми прямо на пляже, и он тогда сильно обгорел на солнце. Последний раз в своей жизни. Год спустя его жена и сын были мертвы, а он сам никогда больше не брал отпуск.

– Преступник ожидал прихода лысого педофила, у которого не было верхнего резца слева. Что еще сказать… – Мартин погладил свой лысый череп, – у моего парикмахера было примерно такое же настроение, как и у вас.

Симпатичная докторша заставила себя нервно улыбнуться. По ее лицу было видно, что она не знала, пошутил ли Шварц или нет.

– А он, я имею в виду мальчик, его…

– С ним все хорошо, – ответил Мартин.

По меньшей мере, настолько хорошо, насколько хорошо мог чувствовать себя приемный ребенок, снова оказавшийся в детском доме, вскоре после того как его освободили из лап безумных извращенцев. Тогда в доме Приги Шварц подождал, пока на диктофон не был записан приказ педофила «засадить мальчишке во все дыры». Видеокамера, спрятанная среди заклепок его кожаной куртки, зафиксировала довольные ухмылки сгорающих от нетерпения гостей, к которым он повернулся, прежде чем произнести условленное слово «тостер», послужившее для полицейского спецназа сигналом к штурму виллы. Вместе с якобы положительным тестом на ВИЧ и видео со стационарных камер, установленных самим Пригой, у них было достаточно обличительного материала, чтобы засадить этих свиней за решетку на очень долгий срок.

– Если повезет, годика на два с половиной, – проворчал Крамер, когда вез его в клинику «Рудольф Вирхов», где они сначала вручили ему средства для постэкспозиционной профилактики: принимать по три пилюли ежедневно, в течение пяти недель. Затем Крамер должен был заняться срочной работой с бумагами, вот почему Мартин, постоянно расспрашивая о дороге, отправился один в зубоврачебную клинику, где теперь после двух часов ожидания наконец-то наступила и его очередь.

– Мне очень жаль, – извинилась загорелая докторша. У нее было маленькое личико с немного великоватыми ушами и милыми веснушками на носу. В другой жизни Шварц, возможно, подумал бы, а не попросить ли у нее номер телефона, чтобы потом тотчас отбросить эту шальную мысль, ведь тогда он был женат. Такова извечная жизненная проблема. Никак не удается добиться синхронизации по времени. Или встречаешь привлекательную женщину, а у тебя на пальце уже обручальное кольцо. Или же кольца у тебя больше нет, а каждая привлекательная женщина напоминает тебе о том, что ты потерял.

– Мне лишь сказали, что вы сами поранились на службе. Что вы просто…

– Чокнутый? – подсказал ей Мартин, так как докторша не решилась закончить предложение.

– Да. Но я не знала, что…

– Все о’кей. Просто удалите остаток корня и все снова зашейте.

Доктор Фендрих покачала головой:

– Так просто это не делается. Вы же наверняка хотите, чтобы я поставила вам штифт…

– Нет, – отмахнулся Шварц.

– Но вам же не может быть все равно, что так обезображено…

– Если бы вы знали, насколько мне все безразлично, – глухо возразил он, и в этот момент в кармане его брюк зазвонил мобильник. – Одну минуточку подождите. Извините, пожалуйста.

Ему пришлось слегка повернуться на бок, чтобы достать свой сотовый из заднего кармана брюк. Кто бы ему сейчас ни звонил, он делал это со скрытого номера.

– Послушайте, там, в коридоре, и другие пациенты ожидают своей… – начала было докторша и обиженно отвернулась, когда Шварц проигнорировал ее

протест.

– Да? Слушаю.

Но телефон молчал. В трубке слышался лишь сильный шум, который напомнил Мартину старые модемы или рекламу крупнейшего провайдера Интернета AOL.

– Алло?

Он услышал эхо своего собственного голоса и уже собирался прервать связь, когда в трубке раздался стук, словно кто-то бросил игральные кости на стеклянную столешницу. Потом шум стал тише, раздалось два громких щелчка, и внезапно он смог разобрать каждое слово.

– Алло? Меня зовут Герлинда Добковиц. Я говорю с неким господином по имени Мартин Шварц?

Мартин сразу насторожился. У тех людей, которые набирали этот номер, не было причин спрашивать его имя. Свой личный номер он доверил лишь немногим, и все они знали, как его зовут.

– Алло? Господин Шварц?

Незнакомый голос в телефоне звучал с венским акцентом, и он принадлежал или пожилой женщине, или молодой даме, у которой были большие проблемы с алкоголем. Шварц поставил на первый вариант, во-первых, из-за старомодного имени, а во-вторых, из-за архаичной манеры выражаться.

– Откуда у вас номер моего телефона? – поинтересовался он у нее.

Даже если бы эта дама была из телефонной компании, во что он не верил, то она обратилась бы к нему не по его гражданскому имени, а назвала бы его Петер Пакс, это был псевдоним, под которым он оформлял этот номер. Это был его любимый псевдоним, так как он напоминал ему о Питере Пэне, персонаже из классического мультфильма Диснея.

– Скажем так: я очень хорошо искала, – ответила позвонившая дама.

– Что вам нужно от меня?

– Я скажу вам об этом, когда мы увидимся. – Герлинда Добковиц хрипло закашлялась. – Вы должны как можно быстрее подняться на борт.

– На борт? О чем вы говорите?

Шварц заметил, как докторша, перебиравшая инструменты, разложенные на столе-приставке, вопросительно посмотрела на него.

– О «Султане морей», – ответила пожилая дама. – В настоящий момент мы плывем на корабле из Гамбурга в Саутгемптон и находимся где-то в проливе Ла-Манш. Вы должны как можно быстрее присоединиться к нам.

Мартина бросило в дрожь. Недавно, когда он стоял напротив Приги, он был абсолютно спокоен. Он совершенно не волновался и в прихожей дома Приги, когда уколол себя иглой ускоренного тестера на наличие ВИЧ, и прошло больше трех предписанных минут, пока, наконец, в смотровом окошке тестовой полоски не появилась вторая линия. Не волновался он и в тот момент, когда увидел обнаженного мальчика на качелях, а за его спиной захлопнулась огнестойкая дверь подвала. Но сейчас его сердце заколотилось как сумасшедшее. А открытая рана во рту начала пульсировать в такт сердцебиению.

– Алло? Господин Шварц? Вы же знаете это судно? – спросила Герлинда.

– Да.

Разумеется.

Конечно, он навсегда запомнил его название.

Это был тот самый круизный лайнер, на котором пять лет тому назад его жена путешествовала вместе с их сыном Тимми и на третью ночь трансатлантического плавания перелезла через перила балкона своей каюты и прыгнула вниз с пятидесятиметровой высоты. Незадолго до этого она прижала к лицу спящего сына салфетку, смоченную в хлороформе, а затем выбросила его за борт.

Глава 3

Саутгемптон

17 часов спустя

Наоми обожала триллеры. И чем страшнее они были, тем лучше. Для морского круиза на шикарном лайнере она прихватила с собой на борт «Султана морей» целую кипу подобного чтива (она никак не могла привыкнуть к новомодным электронным ридерам) и в хорошие дни проглатывала почти целую книгу, в зависимости от того, насколько толстой она была. Или насколько кровавой.

Иногда она бывала не совсем уверена в том, кто из них был более чокнутым: автор, который выдумывал эту нездоровую дребедень, или она сама, плативша за нее деньги, чтобы в компании кровожадных убийц и психопатов удобно устроиться в шезлонге у бассейна в пределах досягаемости услужливых официантов, которые в перерывах между главами в зависимости от времени дня обеспечивали ее кофе, соками или коктейлями.

Во время ее семилетнего супружества, прежде чем милостивый Господь решил, что урна с прахом мужа на камине устраивает ее больше, чем обручальное кольцо на пальце, ее супруг однажды сказал, что он постоянно задается вопросом, почему для фильмов и компьютерных игр существуют возрастные ограничения, а для книг нет.

Как же прав он был.

В прочитанных ею еще много лет тому назад книгах встречались такие сцены, которые она никак не могла забыть.

Ужасно то, что и ей самой очень хотелось испытать нечто подобное. Например, сцена из книги «Седьмая смерть», когда Джо сгорает от нетерпения в предвкушении сексуального приключения с девицей, которую он подцепил в парке, а вместо этого прожженная стерва кусачками отрывает ему яйца.

Она содрогнулась.

Эта сцена натолкнула ее на мысль, что автор какой-нибудь грязный извращенец. При этом книга имела огромный успех, а писатель, Пол Клив, которого она видела на фестивале детективной литературы, где он читал отрывки из своих романов, оказался обаятельным, симпатичным и веселым человеком. Кстати, довольно смешными были и многие сцены в самой книге.

Никакого сравнения с «Ганнибалом» Томаса Харриса, когда ей стало плохо при чтении в том месте, где описывалось, как доктор Лектор вычерпывал ложечкой мозг из открытого черепа своего противника, все еще остававшегося при этом живым. Тем не менее этот роман получил почти семьсот тысяч пятизвездочных оценок!

Ужас.

Почти такой же ужас у нее вызвала история о тридцатисемилетней женщине, которую ее похититель держал в колодце. Однажды он опустил к ней ведро с миской риса. На миске было написано всего лишь два слова, которые женщина, доктор биологии, едва смогла разобрать в темноте: «Spirometra mansoni».

Латинское название паразита, распространенного прежде всего в Юго-Восточной Азии, из которого вырастают полупрозрачные, рифленые ленточные черви, шириной как шнурок для ботинок и длиной до тридцати сантиметров. Под кожей человека от этих червей отшелушиваются новые членики, проникающие даже в мозг. Или за глаз, как это случилось с женщиной в романе, которую невыносимый голод в конце концов вынудил съесть зараженный рис, чтобы не умереть с голоду.

Глупый вздор, как же называлась та книжонка?

Она подумала о полке с книгами у себя дома в зимнем саду, о расставленных по алфавиту авторах, однако так и не вспомнила название того триллера.

Да разве это возможно? Это же было совсем недавно, когда… Ах, теперь я это снова вспомнила!

В тот момент, когда резкая боль заставила ее очнуться от короткого забытья, Наоми Ламар вспомнила:

Это была не книга.

А ее жизнь.

Где-то в недрах «Султана морей».

И, к ее величайшему сожалению, она была еще далека от окончания.

Глава 4

Мартин Шварц с вещмешком на плече поднялся по трапу в средней части «Султана морей» на борт лайнера, и ему стало плохо.

Он ненавидел это судно, выдержанную в неброских пастельных тонах облицовку стен, мебель из красного дерева или тика и мягкое ковровое покрытие, по которому идешь как по лужайке. Он ненавидел вызывающую смех униформу обслуживающего персонала, которую носили даже самые простые посыльные, словно они служили в военно-морском флоте, а не были задействованы на ярмарке массового туризма. Он ненавидел едва уловимый аромат ванили, который распространяли установки для кондиционирования воздуха; ненавидел эйфорию в глазах пассажиров, вместе с которыми поднялся по трапу на борт. Женщины, мужчины, дети, семьи. Они радовались семи ночам комфорта, когда действует правило «все включено», богатому шведскому столу, доступному двадцать четыре часа в сутки, спокойному времяпровождению на палубе во время плавания по океану или в спа-салоне площадью две тысячи квадратных метров с фитнес-центром, где доступны разнообразные водные процедуры. Они планировали посетить мюзиклы и шоу в самом современном музыкальном театре мировых океанов и пропустить стаканчик-другой в одном из одиннадцати баров, разбросанных на семнадцати палубах. Они собирались оставить своих детей в пиратском клубе, а сами хотели забраться на самый длинный водяной лоток, который был когда-либо построен на корабле, и скатиться вниз в бассейн, оставить свои деньги в казино или в торговом центре, оформленном в стиле

итальянской рыночной площади.

Возможно, некоторые пассажиры поднимались на борт круизного лайнера со смешанными чувствами, как на борт самолета, с почтительным уважением и легким беспокойством по поводу того, доставит ли их техника, которой они доверились, в целости и сохранности из пункта А в пункт Б. Но ни один из почти трех тысяч пассажиров, в этом Мартин был абсолютно уверен, даже не задумывался о том, что в ближайшие дни им придется жить в самом настоящем маленьком городке, где сталкиваются тысячи людей самых разных культур и сословий, начиная с работающих за гроши прачек в прачечной на нижней палубе и заканчивая миллионерами в шезлонгах на защищенных от ветра площадках на верхней палубе. Маленький городок, в котором было все, кроме стражей порядка. В котором если набираешь номер 110, то появляется обслуга в номере – а не полиция. Город, в котором с самого первого шага подчиняешься правопорядку какой-нибудь банановой республики, под флагом которой круизный лайнер сошел со стапелей.

Мартин ненавидел «Султана морей», его пассажиров и экипаж. Но прежде всего он ненавидел самого себя.

Он дал себе клятву, что больше никогда в жизни его нога не ступит на палубу круизного лайнера. А тем более на палубу именно этого судна. Но одного телефонного звонка какой-то пенсионерки, которую он еще даже и в глаза не видел, оказалось достаточно, чтобы он выбросил за борт все свои благие намерения.

Как точно сказано!

Он цинично рассмеялся про себя, и шествующая ему навстречу пожилая супружеская пара, явно страдавшая излишним весом, смерила его скептическим взглядом.

«Выбросить за борт!» Точнее не скажешь.

Наконец он добрался до двенадцатой палубы и внимательно изучил указатели с номерами кают. Чтобы найти апартаменты 1211, ему нужно было перейти на левый борт.

Мартин зевнул. Хотя или как раз именно потому, что докторша вчера все-таки уговорила его поставить временный штифт, зубная боль мучила его всю ночь напролет, и он совсем не спал, если не считать нескольких минут сна в самолете, доставившем его в Лондон.

В такси из аэропорта Хитроу в Саутгемптон последние нервы вымотал ему его мобильник. Сначала до него попытался дозвониться Крамер, а потом лично сам шеф, чтобы наорать на него за то, что он не явился на обсуждение проведенной операции. Разъяренный шеф заявил, что если Мартин немедленно не явится в участок, то может забрать свои документы.

– Кроме того, ты, задница, обещал регулярно показываться врачу. Чертово зелье, которое ты, надеюсь, принимаешь регулярно, может привести к сбоям в деятельности мозга, хотя я сомневаюсь, что кто-то вообще заметит хоть какую-то разницу в твоем поведении.

В какой-то момент все эти обвинения так достали Мартина, что он переключил прием на свой электронный почтовый ящик. Он не верил, что они действительно смогут обойтись без него. Самое позднее в тот момент, когда им в очередной раз понадобится команда смертников, этот выговор в его личном деле снова будет забыт. Или на этот раз он действительно немного перегнул палку, заказав каюту на «Султане морей», предварительно не переговорив со своим начальством? Люкс площадью сто пятьдесят квадратных метров на одиннадцатой палубе стоимостью две тысячи евро за ночь, включая обратный полет бизнес-классом из Нью-Йорка в Берлин.

При этом Мартин даже и не собирался отправляться в трансатлантическое плавание. Он хотел только поговорить с этой Герлиндой Добковиц, посмотреть на ее так называемые «доказательства» и тотчас покинуть посудину. Однако явно чудаковатая старушенция не захотела ради него покидать корабль. Вчера ночью, порывшись в Интернете, Мартин выяснил, что на круизных форумах семидесятивосьмилетняя Герлинда Добковиц считалась живой легендой. На свою пенсию она зарезервировала за собой до конца жизни одну из немногих сдаваемых на длительный срок кают на «Султане морей». И с момента спуска судна на воду восемь лет тому назад она покидала корабль только тогда, когда это было необходимо для проведения ремонтных работ.

Таким образом, Мартин должен был сам подняться к ней на борт, а поскольку без удостоверения пассажира попасть на круизный лайнер было невозможно, он

был вынужден зарезервировать для себя каюту на «Султане морей». Люкс с верандой на корме судна оказался единственной каютой, которую еще можно было быстро зарезервировать по Интернету. Вот почему он заплатил двенадцать тысяч евро за двадцатиминутный разговор с Герлиндой Добковиц. Собственно говоря, маршрут круизного лайнера был спланирован таким образом, что у него было бы более двух часов для беседы с пожилой дамой, но по пути в Саутгемптон водитель такси, видимо, решил показать ему все пробки на дорогах в южной части Великобритании.

Плевать, цена за билет на «Султане морей» не разорит его.

Его жалованье полицейского агента не было слишком большим, однако, поскольку в последние годы он почти не тратил деньги, его счет в банке подрос настолько, что два месяца тому назад банк даже прислал ему поздравительную открытку на день рождения (ему стукнуло тридцать восемь).

Правда, сейчас, поднеся палец к звонку у двери каюты 1211, он чувствовал себя так, словно ему было далеко за пятьдесят.

Он нажал на отполированную латунную кнопку и услышал приглушенный колокольный звон. Прошло лишь несколько секунд, дверь открылась, и он увидел перед собой подобострастно улыбающегося юного паренька во фраке и лакированных туфлях. Мартин вспомнил текст рекламы «Султана морей», где говорилось, что в распоряжение каждого гостя, зарезервировавшего дорогущие апартаменты, предоставлялся дворецкий.

У стоявшего перед ним экземпляра лет двадцати с небольшим были коротко стриженные, черные волосы, уложенные на прямой пробор и словно приглаженные утюгом, отчего казалось, что они приклеены к, пожалуй, слишком узкому черепу. У него были водянистые глаза и скошенный подбородок. Мужество и способность настоять на своем были не первыми словами, которые приходили в голову при взгляде на него.

– Пусть он войдет, – услышал Мартин голос пожилой дамы из глубины апартаментов, и дворецкий поспешно отступил в сторону.

Мартину пришлось напрячь все свои умственные способности, чтобы осмыслить все впечатления, которые затем обрушились на него.

Как опытный сыщик, он знал, что грань между эксцентричным образом жизни и нуждающимся в лечении безумием была очень тонкой и могла быть проведена только острым грифелем карандаша. А Герлинда Добковиц, это он понял с первого взгляда, жила по обе стороны от этой линии.

– Ну наконец-то, – приветствовала она его со своей постели. Она восседала в изголовье кровати среди множества подушек, газет и распечаток с компьютера. Ее перегруженная кровать стояла в центре помещения, которое архитекторы верфи планировали использовать в качестве салона. Но архитекторы составляли свои планы явно без участия Герлинды Добковиц. По крайней мере, Мартин не мог себе представить, что малиновые цветастые обои, ковер из шкуры зебры или искусственные оленьи рога входили в табельное оснащение каждого трехкомнатного сьюта на «Султане морей». – Вы должны отдать свои часы на проверку, – сказала пожилая дама, бросив взгляд на деревянные напольные часы, стоявшие у входа в апартаменты. – Уже скоро шесть часов!

Резким движением руки она отослала своего дворецкого назад к старомодному секретеру с крышкой, обитой фетром, который стоял под прямым углом к перегородке, под картиной, написанной маслом. Когда-то, давным-давно, на ней, вероятно, был изображен «Человек в золотом шлеме» Рембрандта, но сейчас картина была усеяна листками бумаги, прикрепленными канцелярскими кнопками прямо к холсту.

Пожилая дама сердито посмотрела на Мартина:

– Я уже подумала, что мне придется ждать до Нью-Йорка, чтобы облегчиться от шоколадных кексов прямо в Белом доме.

Герлинда потянулась за огромными очками, лежавшими на ее ночном столике. Мартин удивился, что она смогла водрузить их себе на нос одной рукой. Стекла были бледно-розового цвета и оказались толстыми, как дно стакана для виски, из-за чего живые глаза старой дамы за ними стали огромными, как у совы. Вообще при взгляде на Герлинду Добковиц сравнение с диковинной птицей напрашивалось само собой. Ее пальцы были похожи на когти, а длинный, крючковатый нос выделялся на узком, состоявшем только из кожи и костей лице старой дамы, как клюв, что делало ее похожей на ворону.

– Надеюсь, это не наждачная бумага самого низкого качества, как в прошлый раз. Просто положите ее рядом с контейнером для биоотходов и проваливайте. – Она махнула рукой в сторону Мартина, словно хотела прогнать назойливую муху.

– Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого, – сказал он и опустил свой вещмешок на пол.

Герлинда озадаченно подняла брови.

– Разве вы не тот человек, который разносит по каютам туалетную бумагу? – удивленно спросила она.

Мартин, до которого постепенно дошло, что имелось в виду, когда говорилось о контейнере для биоотходов, шоколадных кексах, наждачной бумаге и Белом доме, задался вопросом, как он мог сморозить такую глупость и явиться сюда. Какой черт дернул его насыпать соль на никогда не заживающие раны? Видимо, он надеялся наконец покончить с этой трагедией. И надежда, эта обманчивая змея, заманила его в тупик, в конце которого его поджидала полоумная старушенция, лежавшая на кровати.

Мартин заметил, как Герлинда бросила озадаченный взгляд на своего дворецкого:

– Черт побери, кто это, Грегор?

Грегор, сидевший у секретера позади пишущей машинки, которая в Берлинском техническом музее была бы настоящим историческим магнитом для публики, удивленно выглянул из-за края заправленной бумаги:

– Боюсь, я этого тоже не знаю, как и…

– Кто вы такой? – прервала Герлинда его изысканный лепет.

– Меня зовут Мартин Шварц, вчера мы с вами разговаривали по телефону.

Она звонко шлепнула себя сухонькой ладошкой по лбу:

– Боже мой, ну конечно!

Герлинда отодвинула в сторону стопку бумаги и откинула пуховое одеяло, под которым лежала в белоснежных спортивных тапочках.

– Хорошо, что вы прибыли сюда. Я знаю, как тяжело это вам далось…

Она свесила свои ножки с края кровати. На Герлинде был розовый спортивный костюм, в котором могли свободно поместиться две такие старушки.

– …ведь именно здесь, на «Султане», ваша жена и сын…

– Извините, пожалуйста, что прерываю, – перебил ее Мартин. У него не было ни времени, ни сил на любезности. Даже присутствие дворецкого было ему безразлично. – По телефону вы сказали, что у вас есть доказательства того, что моя жена не добровольно покончила с собой, прыгнув за борт.

Герлинда кивнула, нисколько не рассердившись, что он ее прервал, опираясь на кресло-каталку, встала и рывком открыла ящик ночного столика.

– Не только этого, мой дорогой. Не только этого. – Она с заговорщицким видом посмотрела на него, а затем добавила: – Возможно, я даже обнаружила доказательство того, что ваша семья еще жива.

С этими словами она подала Мартину маленького замызганного плюшевого медвежонка, который первоначально был белым и мех которого теперь приобрел цвет грязного песка.

У Мартина все похолодело внутри. Ему стало плохо. Он понял, что теперь уже не сможет быстро покинуть это судно.

У старой, вонявшей потом и смазочным маслом игрушки не было одного глаза и правой лапы, но инициалы все еще были на месте.

Т. Ш.

Именно там, где Надя несколько лет тому назад вышила их на своей машинке, незадолго до того, как Тимми отправился в свою первую поездку с классом в дом отдыха в сельской местности.

Глава 5

В это же самое время, пятая палуба

Каюта 5326

Утрата. Печаль. Страх.

Поскольку в последние годы на ее жизненном пути было достаточно неприятностей, Юлия Штиллер надеялась, что со временем научилась обходить опасности, которые подбрасывала ей жизнь. Или, по крайней мере, научилась не падать слишком глубоко в уготовленные ей глубокие западни. А если и падать, то так, чтобы она была в состоянии собственными силами выбраться наверх из очередного душевного кризиса.

Однако оказалось, что она глубоко заблуждалась.

На этот раз это был телефонный звонок, который вызвал у нее панический страх и который еще раз подтвердил, что невозможно заранее подготовиться к внезапным ударам судьбы. Очередной удар настиг ее как раз в тот момент, когда она впервые за долгое, долгое время снова почувствовала себя счастливой, здесь, в порту Саутгемптона на борту «Султана морей».

Прошло три безрадостных года, с тех пор как муж изменил ей, друзья отвернулись от нее, а родная дочь считала ее виновной в том, что теперь они жили не в собственной вилле в Кёпенике на юго-востоке Берлина, а в двухкомнатной съемной квартире в Хермсдорфе. Маленькой и тесной, но все равно такой дорогой, что она была вынуждена всякий раз соглашаться на работу в ночную смену в клинике, где работала медсестрой в отделении недоношенных детей. Только так она могла хоть как-то справляться с финансовыми

трудностями.

«Ты приняла все слишком близко к сердцу», – сказали даже ее родители.

Словно она намеренно рылась в контейнере для макулатуры в поисках счета – два билета на самолет, но один номер на двоих в отеле на острове Капри, хотя Макс что-то говорил ей о повышении квалификации в Дрездене. Один билет был на его имя, а второй оказался на имя его ассистентки. Той, с дешевыми накладными волосами и до смешного высоко подтянутыми грудями. Недолго раздумывая, Юлия спустилась в подвал, схватила корзину с грязным бельем и отвезла ее в налоговое бюро, где Макс работал адвокатом. Там она вывалила грязное белье на письменный стол озадаченной любовницы мужа со словами: «Раз вы трахаете моего мужа, то могли бы и сами постирать его грязные трусы».

Это было хорошее ощущение. Примерно в течение секунд двадцати.

– Куда ты пропала? – услышала она голос Тома Шиви и снова рассердилась на себя за то, что вообще подошла к телефону. Юлия договорилась с дочерью, что с началом отпуска они отключат свои мобильники, но в суматохе прибытия на корабль она, видимо, совсем забыла об этом. В своей жизни Юлия, волей судьбы ставшая теперь одинокой женщиной, совершила немало ошибок, и Том Шиви был одной из них. Даже если и одной из самых приятных.

– Я же тебе сказала, где мы будем все осенние каникулы, – ответила она ему и улыбнулась Лизе, которая как раз проходила мимо нее, направляясь в свою комнату.

– Пойду немного осмотрюсь на корабле, – прошептала ее пятнадцатилетняя дочь, и Юлия одобрительно кивнула ей.

Обращаясь к Тому, она сказала:

– Мы только что поднялись на борт.

– Проклятье!

Голос школьного наставника ее дочери звучал необычно взволнованно, почти испуганно.

– Да что стряслось? – удивленно спросила Юлия и опустилась на невероятно удобную диван-кровать, занимавшую почти всю каюту.

Почему ты звонишь? Разве мы не договорились о том, что ограничим контакт до минимума?

– Мы должны увидеться. Немедленно!

– Ну конечно!

Юлия покрутила пальцем у виска. Во всем мире не было такого мужчины, ради которого она согласилась бы сейчас покинуть «Султан морей». Лиза и без того доставляла ей всю палитру проблем, с которыми можно было столкнуться в период полового созревания дочери. Она отказывалась от совместных трапез с матерью, с каждым днем худела все больше и больше, сделала себе пирсинг носа, из некогда лучшей ученицы класса превратилась в отстающую по всем предметам и теперь водилась только с подругами, которые носили одежду с такими же кровожадными мотивами, как и у нее самой. С того момента, как ей исполнилось пятнадцать лет, Лиза стала поклонницей молодежной субкультуры готов, которая допускала ношение только черных шмоток из магазина подержанных вещей, как можно более рваных и с таким количеством дыр, что даже моль сдохла бы в них с голоду. Для готов это было законом, который десять минут тому назад Лиза нарушила впервые за несколько недель.

– Здесь так круто, мамочка! – обрадовалась она, когда они вышли на балкон своей двухкомнатной каюты. Слезы в глазах Лизы могли быть вызваны ветром, задувавшим из порта на пятую палубу, но Юлии хотелось думать, что это была радость от пребывания на огромном круизном лайнере и в роскошной каюте, которую они будут занимать в течение ближайших семи дней. К тому же у каждой из них была отдельная комната.

В данный момент, со своим скромным заработком медсестры, в одиночку воспитывающей дочь, Юлия не смогла бы позволить себе на «Султане морей» даже внутреннюю каюту. Но их лично пригласил Даниэль Бонхёффер, капитан этого роскошного лайнера. Она знала его много лет, даже десятилетий, и все-

таки ей было трудно объяснить посторонним людям свои отношения с Даниэлем. Их отношения не были настолько уж близкими, чтобы считать его другом, для просто знакомого их семейные связи были слишком тесно переплетены, ведь как-никак Даниэль был крестным отцом Лизы. В противном случае Юлия уже давно прервала бы все контакты с ним, ведь Даниэль дружил с ее бывшим мужем еще с детского сада. При этом она никогда не понимала, почему ее бывший супруг столько лет дружил с человеком, который в принципе всегда интересовался только одной-единственной персоной: самим собой. Не проходило и пяти минут с начала любого разговора, как Даниэлю каким-то удивительным образом удавалось направить тему разговора на себя любимого. Из-за экзотических стран, в которых он побывал, для постороннего слушателя это могло бы быть даже довольно занимательным. Но для дружбы, базирующейся на взаимности, этого было, по мнению Юлии, слишком мало. Кроме того, при общении с Даниэлем у нее постоянно возникало впечатление, что его учтивость всегда была наигранной и что он постоянно поддакивает другим. Все это, вместе взятое, приводило к тому, что после каждой встречи с ним Юлия чувствовала себя так, словно только что вышла из ресторана быстрого питания. В общем и целом все было о’кей, однако в желудке оставалось какое-то странное ощущение.

Правда, сейчас, когда она впервые была на его корабле, она спрашивала себя, не была ли она слишком строга к Даниэлю. Все-таки он в очередной раз доказал, что буквально боготворит свою крестницу. Каждый год Лиза получала от него на день рождения дорогой подарок, а в этом году это было трансатлантическое плавание в Нью-Йорк.

– Поблагодари своего крестного, – сказала Юлия, когда Лиза обняла ее на балконе их каюты. От Лизы пахло табаком, ее бледный макияж испачкал щеки Юлии, но это нисколько не мешало ей, как и усеянный заклепками ошейник, который упирался ей в лицо. В этот момент для Юлии имело значение только то, что она могла снова обнять свою дочь. Она не могла даже вспомнить, когда в последний раз была так близка со своей маленькой девочкой. – Здесь просто сказочно, – призналась она Тому.

Они сблизились после одного родительского собрания, на которое ее пригласили из-за ухудшения успеваемости дочери, в последнее время она недостаточно активно участвовала в работе класса на уроках. Когда через месяц Юлия узнала, что Лиза регулярно приходила на прием к Тому, являвшемуся ее школьным наставником, она прекратила интрижку. Ей было неудобно при

мысли, что она вступила в интимные отношения с единственным человеком, которому ее дочь доверяла самое сокровенное. Кроме того, они и без того не очень хорошо подходили друг другу; и не только из-за разницы в возрасте – ведь Том был почти на десять лет моложе ее, – но и, прежде всего, из-за его чрезмерных запросов. Он хотел спать с ней и видеть ее почти ежедневно. И даже если ей и льстил интерес к ее особе такого молодого и привлекательного мужчины, этот телефонный звонок был еще одним подтверждением того, что она приняла правильное решение, порвав с ним.

Неужели Том действительно думал, что стоит ему только позвонить, и она тотчас откажется от совместного путешествия со своей дочерью во время осенних каникул?

– Никакая сила не заставит меня сойти с этого судна.

– Сила, возможно, и не заставит, но, может быть, это сделает видео!

Юлия насторожилась.

– Что за видео? – спросила она и почувствовала, что хорошее настроение последнего получаса снова готово покинуть ее.

– Я считаю, что ни одна мать не должна видеть что-либо подобное, – услышала она голос Тома. – Но это необходимо. Я послал тебе сообщение, посмотри в Интернете.

Глава 6

Не прошло и минуты, как Юлия Штиллер достала из своей сумочки планшетник и подключилась к беспроводной локальной сети корабля, доступной во всех каютах. Но сначала она закрыла балконную дверь своей каюты и задернула шторы, чтобы низко висящее над горизонтом вечернее солнце не отражалось на экране компьютера.

– Ты меня пугаешь, – сказала она Тому и присела за туалетный столик рядом с монитором.

Она открыла электронное сообщение, которое он прислал ей несколько минут тому назад, без указания темы и без обращения, просто короткую ссылку. Она коснулась указательным пальцем текстовой строки, подчеркнутой синим, и почти тотчас открылась скромно оформленная веб-страница. Это была не профессиональная, а скорее любительская вебстраница, похожая на форум пользователей с заболеванием щитовидной железы, на который время от времени заходила и сама Юлия и обменивалась посланиями с другими участниками, страдавшими от перепада настроения из-за пониженной функции щитовидки.

– Что это такое? – спросила она.

– Isharerumors, – ответил Том. – Пролог-вариант вебсайта «Фейсбук». Многие школьники пользуются этим порталом, чтобы поносить своих учителей или одноклассников. Он очень популярен из-за того, что там можно регистрироваться анонимно и нет никакого контроля.

По его осипшему голосу Юлия поняла, как неприятен ему этот разговор. Она могла себе представить, с каким выражением лица он сидел у себя дома перед компьютером, точно так же как она сидела сейчас перед своим дешевеньким айпадом, купленным в продовольственном магазине, торгующем товарами по сниженным ценам.

Том Шиви обладал редким даром одним взглядом выразить своему визави симпатию и сочувствие. Неплохое качество для школьного наставника, хотя Юлия в свои школьные годы наверняка не обратилась бы к симпатичному мужчине, чтобы в доверительной беседе признаться ему, что на уроках физкультуры одноклассники дразнили ее «пампушкой». И сегодня ее вес все еще превышал среднестатистические данные по Германии, но годы явно пошли ей на пользу. Толстенькая девочка-подросток превратилась в пышную, но статную женщину, которая больше не расстраивалась из-за крепких плеч и бедер, большой попы или румяных толстых щечек. Теперь она с удовольствием принимала комплименты, которые ей делали многие мужчины: за ее жизнерадостно сияющие глаза, пухлые губки и темные, слегка вьющиеся волосы, обрамлявшие ее овальное лицо, словно дорогую картину, когда она распускала их, а не собирала наверх, как сейчас, что подчеркивало ее высокий

лоб с маленьким родимым пятнышком над правой бровью.

– А что дальше?

Перед взором Юлии открылось видеоокно размером с почтовую открытку.

– Что это?

– Это… это… – Том запнулся. – Это трудно… Посмотри, пожалуйста, сама.

– Ты действительно пугаешь меня, – повторила Юлия, однако нажала на большую стрелку в середине видеофайла.

Качество изображения явно свидетельствовало о том, что съемка велась скрытой камерой, как это бывает в типичных телевизионных реалити-шоу или в сериалах, в которых начинающие актеры, играющие роль частного детектива, пытаются изобличить неверного супруга. Покадровый временной код в нижнем углу картинки свидетельствовал о том, что видео было снято еще пять месяцев тому назад, то есть весной этого года.

Сначала ни экспозиция, ни фокусное расстояние видеокамеры, которой были сняты эти смазанные кадры, не были настроены, если у этой камеры вообще имелись такие функции. Только через некоторое время Юлия поняла, что кто-то вел съемку прямо из автомобиля во время движения. Было темно, моросил дождь, капли которого скатывались по ветровому стеклу, из-за чего задние габаритные огни ехавшего впереди автомобиля расплывались перед взором водителя.

Объектив камеры скользнул по черной приборной доске, повернулся в сторону переднего пассажирского сиденья и зафиксировал мрачный фасад многоквартирного дома казарменного типа; серого бетонного строения, какое можно встретить на каждом втором углу в старых кварталах Западного Берлина.

– И почему я должна смотреть это видео? – спросила Юлия, когда автомобиль замедлил ход и медленно поехал мимо стоянки подержанных автомобилей.

– Потому, – ответил Том в тот момент, когда машина остановилась перед одним из подъездов и автоматически управляемые стеклоподъемники опустили стекло со стороны пассажирского сиденья.

Сначала Юлия не увидела ничего, кроме плотного ряда деревьев, которые почти полностью закрывали детскую игровую площадку. Если здесь и был уличный фонарь, то он или не горел, или находился слишком далеко. Во всяком случае, в такой темноте невозможно было разобрать, что именно рекламировалось на огромном рекламном щите. И женщина, которая неожиданно появилась из темноты и, покачивая бедрами, приблизилась к автомобилю, сначала была различима лишь как смутная тень. Даже тогда, когда она наклонилась к открытому окну и оказалась в свете видеокамеры, Юлия не смогла рассмотреть ее лицо: оно было сильно размыто. Нарочито гнусавя, женщина прошептала в камеру:

«Ты можешь делать со мной что угодно, мой сладкий, но за съемку придется заплатить отдельно».

– Боже мой! – тяжело дыша, прошептала Юлия и отпрянула от экрана. Она обернулась, однако Лиза еще раньше закрыла межкомнатную дверь. Юлия была одна в своей каюте, кроме того, ведь ее дочь сказала, что хочет осмотреться на корабле.

Неужели это…

Женщина на экране была такого же роста, у нее был такой же черный цвет волос и такая же стройная фигура. Но самое ужасное: у нее был ее голос.

– Неужели это… – прошептала Юлия, однако она так и не смогла произнести имя своей дочери.

Нет, этого не может быть. Это невозможно.

На девушке, которая теперь отступила на один шаг назад и для демонстрации своего тела должна была несколько раз повернуться кругом, были такие же шмотки, какие могли висеть в шкафу у Лизы: платье с пышной нижней юбкой, чулки в сеточку, туфли в крапинку с открытым мыском. Такую одежду она носила до перехода из фазы рокабилли в готику.

«Но ведь ее голос не был так уж похож», – постаралась уговорить себя Юлия.

– Скажи мне, что это не моя дочь, – попросила она Тома, но в этот момент ракурс камеры в корне изменился и на экране появилась смонтированная новая видеозапись. – Нет… – тихо простонала Юлия, увидев руль автомобиля. Темную приборную доску. И затылок девушки, который ритмично двигался вверх и вниз. Все это сопровождалось смачным чавканьем, в то время как мужчина, лицо которого было скрыто и в колени которого зарылась голова девушки, сладострастно постанывал.

– Это… Лиза? – выдавила из себя Юлия.

Она услышала, как Том тяжело вздохнул.

– Трудно сказать. Вполне возможно.

– Возможно — это же еще не наверняка. То есть это может быть и кто-то другой? Фейк?

– Да, возможно. Ведь лиц не видно.

– Силы небесные! – вырвалось у Юлии. Она закрыла глаза, ей совсем не хотелось осознавать значение того, что она только что увидела.

– Итак… итак… – Только с третьего раза она закончила предложение: – Это не она!

Это НЕ МОЖЕТ БЫТЬ она!

– Я тоже не совсем уверен, – согласился с ней Том. – Но, к сожалению, не имеет никакого значения, что мы с тобой думаем об этом.

Он предложил Юлии открыть комментарии пользователей под этим видео. Юлии стало плохо. На экране появилось множество отвратительных комментариев пользователей, которые скрывались под псевдонимами, в то время как ее дочь называлась полным именем:

Изизист. Круто. Лиза Штиллер, не так ли?

Хэппиблин85. Я ее тоже один раз уже трахнул.

Тао I. За бабки она сделает все что угодно.

Свентебам030. Низкое качество. Только чмяканье, никакого траханья? Скууучно.

Джо Гёте. Ба, что за потаскуха.

Гость I. Да, грязная проститутка. Я ненавижу таких стервозных шлюх.

– Это можно стереть? – спросила Юлия. Она сидела как громом пораженная.

– Вряд ли. Сервер находится в Того, в Западной Африке. И даже если бы мы отыскали управляющую компанию, в чем я сомневаюсь, это видео наверняка можно найти на десятке других порталов. Эта грязь навсегда останется в Сети.

– Это какое-то безумие. Это надо удалить. Моя дочь не занимается такими вещами. Она же не проститутка! Да это же… Она…

Том перебил ее:

– Еще раз: не имеет никакого значения, занимается ли твоя дочь такими вещами или нет. Твоя дочь живет в таком мире, где слухи сильнее, чем правда.

– Как долго существует эта грязь в Сети? – дрогнувшим голосом спросила Юлия.

– Около шести-семи недель, если верить дате, когда был загружен этот файл. Но я обнаружил это только сегодня, когда заметил, как во время отдыха во дворе школы ученики из ее класса передавали друг другу мобильник, чтобы посмотреть эту мерзость.

– Тогда это все объясняет! – воскликнула Юлия взволнованно.

Ее плохие оценки, ее ужасные шмотки и то, почему она почти ничего не ест.

Она со всего размаха шлепнула себя ладонью по лбу:

– А я-то думала, что все это обычные закидоны девушки-подростка в период полового созревания!

Или последствия развода. Или и то и другое. Но только не ЭТО!

– Тебе не стоит упрекать себя, – посоветовал Том, но ей не стало от этого легче. Макс был прав со своим замечанием, когда право родительской опеки было предоставлено ей.

«Я не справилась с этим».

Она снова почувствовала себя совершенно беспомощной. Мир вокруг нее рушился, она теряла равновесие. Ничего удивительного: у нее только что выбили почву из-под ног. Еще никогда прежде она так ясно не осознавала, что как мать оказалась несостоятельной. Во всех отношениях.

– Теперь ты понимаешь, почему вы должны немедленно сойти с этого судна? – услышала она голос Тома.

Да. Конечно. Это значит…

Она никак не могла привести свои мысли в порядок.

– Я не знаю, кажется, Лизе здесь нравится, возможно…

– Конечно, ей там нравится! – протестующим тоном заявил Том.

– …этот отпуск пойдет ей на пользу.

– Нет. Ни в коем случае!

– Почему нет? Ведь отвлечься – как раз самое лучшее для нее…

– Нет! – почти закричал Том.

В этот момент прозвучал первый хлопок.

Выстрел?

Юлия вздрогнула и посмотрела в сторону балконной двери. Взрывы в порту звучали все чаще. Освещение за завешенными окнами изменилось. На улице гремело и сверкало.

– Потому что я знаю подростков, которые причинили себе вред и при гораздо более безобидном кибермоббинге. Не каждый способен выдержать постоянные издевательства со стороны одноклассников, – умоляющим тоном сказал Том.

Самоубийство?

Юлия с трудом встала из-за стола, распахнула стеклянные балконные двери, и ее взору предстало сине-золотистое море огней в вечернем небе. Оказалось, что это был прощальный фейерверк, который производился в этот момент в порту по поводу отплытия круизного лайнера.

– Я не смогу увести ее с корабля, – вырвалось у нее.

– Но ты должна. Если Лиза задумала покончить жизнь самоубийством, то лучшего места, чем круизный лайнер в открытом море, не найти! Достаточно лишь спрыгнуть с палубы. Судно идеальное место для того, чтобы умереть!

Господи помилуй! Нет.

На глаза Юлии навернулись слезы, и на этот раз это было уже точно не из-за ветра.

Слишком поздно.

Она почувствовала вибрацию, которая теперь была во много раз сильнее, чем в тот момент, когда они ступили на палубу судна. Юлия посмотрела вниз на

людей, стоявших на причале и махавших руками. Она напрасно искала глазами трап, по которому они поднялись на борт судна.

Из коридора донеслась музыка, которую передавали по громкоговорителям, установленным на палубах теплохода, – какая-то оркестровая тема, словно в голливудском фильме.

И в то время когда круизный лайнер медленно отчаливал от причала, предсказывающий несчастье голос Тома потонул в плеске воды, в звуках прощальной музыки и в низком реве сирены, прозвучавшем шесть раз, прежде чем он окончательно смолк на время всего трансатлантического плавания.

Вместе с последними звуками сирены улетучилась и надежда Юлии на беззаботный отпуск со своей дочерью. В настоящий момент Юлия даже понятия не имела, где ее искать на этом огромном лайнере.

Глава 7

Мартин стоял на веранде апартаментов Герлинды Добковиц и почти не замечал, что расстояние между судном и причальной стенкой постоянно увеличивалось.

«Султан» уже отошел почти на сто метров от акватории порта и теперь поворачивал в сторону пролива. Огромный портовый кран медленно исчезал из поля зрения.

Необычно много катеров и моторных шлюпок плыли по бокам круизного лайнера. Музыка, доносившаяся с верхней палубы, прощальный фейерверк, вслед за которым раздался рев сирены, – все это осталось за пределом его восприятия.

У Мартина никак не выходила из головы мысль, что он держал в руках любимую мягкую игрушку своего сына. Он не мог поверить в реальность происходящего.

Тимми называл этого медвежонка Люком, возможно, потому, что незадолго до этого он посмотрел первый фильм фантастической саги «Звездные войны» и был

большим поклонником рыцаря-джедая Люка Скайуокера. А может быть, и без какой-то определенной причины.

Далеко не все в жизни имеет причинную связь.

Какое-то время Тимми и Люк были неразлучны. Тимми брал его с собой в постель, в школу и даже на уроки плавания, пока его не застали с медвежонком в душе, только после этого он согласился со слезами на глазах запереть игрушку в шкафчик для одежды. Его интерес к этой мягкой игрушке немного ослаб незадолго до его исчезновения, но не настолько, чтобы во время круиза на теплоходе для Люка не нашлось места среди багажа. Комиссия, которая расследовала трагедию на «Султане», не придала слишком большого значения тому обстоятельству, что Люка так и не удалось обнаружить в каюте. Как и тому, что один из чемоданов Нади отсутствовал. Они предположили, что мать сунула медвежонка в руки находившемуся в бессознательном состоянии сыну, прежде чем бросила его за борт. Но это было так же странно, как и отсутствие прощального письма.

Надя всегда ставила его в известность о том, где находилась. Приходя домой, он всегда находил записку; то на кухонном столе, то на своей подушке, смотря по обстоятельствам, уходила ли она на несколько минут (чаще всего в магазин) или надолго (обычно после ссоры). Невозможно поверить в то, что в свой последний путь она отправилась, так и не оставив ни одного слова на прощание.

Надя вообще не относилась к типу людей, склонных к самоубийству. Конечно, так говорят все близкие родственники покойника, когда не хотят посмотреть правде в глаза. Но Надя действительно никогда не производила впечатления человека, уставшего от жизни. Она была борцом. Мартин почувствовал это уже в ту секунду, когда познакомился с ней в отделении неотложной помощи клиники «Рудольф Вирхов», где он ждал своего коллегу, раненного во время поножовщины. Надя сидела рядом с ним в приемной с подбитым глазом и прямодушно рассказала, что ее избил ее бойфренд. Из ревности. Но не к другому мужчине, а только потому, что по утрам его сын от первого брака любил понежиться в постели с новой папиной подружкой, а не с ним.

«Он любит своего мальчика, он никогда его пальцем не тронет. Хорошо, что он сорвал свою злость на мне», – доверительно сообщила Надя Мартину, а когда он хотел выразить ей свое сочувствие, она с улыбкой покачала головой: «Видели бы вы, как сейчас выглядит этот подлец».

Той же ночью Надя съехала с квартиры своего бывшего друга. Через год они с Мартином поженились. За все это время она ни разу не впадала в депрессию. Он никогда не допускал даже мысли, что она может уклониться от решения какой-то проблемы или захочет причинить себе вред.

А уж тем более Тимми, их маленькому принцу, которого она боготворила, ласкала и тискала, когда он позволял ей делать это.

Мартин прижал медвежонка к лицу, чтобы среди затхлой вони различить запах, который напомнит ему о сыне, но тщетно.

Он повернулся на звук раздвигаемой двери у него за спиной.

– Ага, вот где вы застряли, – сказала Герлинда Добковиц.

За несколько минут до этого со словами «Пойду избавлюсь от накопившегося дерьма» она оставила его одного со слегка смущенным дворецким и, шаркая ногами, отправилась в ванную с упаковкой бумажных носовых платков в руке. Теперь, когда она справила свои естественные потребности, Мартин мог наконец задать ей самый важный вопрос:

– Откуда он у вас?

Он крепко держал Люка обеими руками, словно боялся, что встречный поток воздуха может вырвать плюшевого медвежонка из его рук и унесет назад в акваторию порта.

– Нашла, – коротко ответила Герлинда и, покопавшись в кармане своего спортивного костюма, достала зажигалку и пачку сигарет.

– Где?

– В руках одной маленькой девочки.

Она сунула себе в рот сигарету без фильтра.

– Пойдемте со мной. Я покажу вам ее.

Глава 8

Каюта капитана, палуба 14A

– Остановить? Корабль?

Даниэль Бонхёффер высвободился из ее объятий и громко рассмеялся.

Юлия чувствовала себя полной идиоткой и готова была провалиться на месте.

Это было ошибкой – тотчас мчаться к нему.

Но она ведь не знала, что ей делать. Лиза так больше и не появилась, возможно, она все еще знакомилась с кораблем, что в случае с таким огромным фешенебельным круизным лайнером, как «Султан морей», могло продолжаться несколько дней. Это было иррационально, может быть, все было в наилучшем порядке. Однако с той минуты, как Юлия посмотрела это ужасное видео, ей казалось, что ее тело сотрясалось от непрерывной дрожи из-за беспокойства о дочери, точно так же как под ее ногами вибрировал корабль, корпус которого после отплытия из порта содрогался от работы мощных двигателей. Пока еще волнение моря ощущалось в проливе не очень сильно, но отовсюду доносилось равномерное гудение, рокот и шипение. Дизельные генераторы заставляли стены и пол слегка вибрировать, а внутрь капитанской каюты из больших иллюминаторов доносился приглушенный шум волн.

– Только не смотри на меня так печально, давай лучше выпьем по чашечке кофе, – сказал Даниэль, подмигнув ей. – Собственно говоря, сейчас я должен находиться на капитанском мостике, но, к счастью, у меня отличные вахтенные офицеры.

Он провел Юлию в салон своей капитанской каюты, которая – если она не ошибалась – находилась по правому борту судна под мостиком. По пути сюда

она успела потерять ориентацию. Это и неудивительно на таком лайнере, который пришлось бы фотографировать с расстояния в километр, чтобы запечатлеть его на фото целиком. Его длина от одного конца до другого равнялась длине трех футбольных полей, а если при заходе лайнера в порт Нью-Йорка встать на верхней палубе, можно заглянуть в глаза статуи Свободы.

– Ну, как тебе нравятся мои владения? – спросил Даниэль.

– Мило, – ответила Юлия, даже не осмотревшись хорошенько.

Как и в ее каюте, здесь преобладали светлые ковры и темная кожаная мебель, только капитанская каюта была гораздо просторнее. Богатая, но абсолютно обезличенная обстановка. Прекрасно для десяти дней отпуска, но, если бы Юлии пришлось жить здесь постоянно, она бы давно поменяла ничего не говорящие художественные репродукции на стенах на более подходящие картины.

– Сколько же времени прошло с нашей последней встречи? – спросил Даниэль, ставя две чашки под сопла автоматической кофеварки, находившейся в шкафу-стенке.

В то время как кофеварка с шумом ожила, другой рукой он пригладил свои светлые волосы, коротко остриженные на затылке. Его волосы казались несколько светлее, чем брови, из-за чего Юлия задавалась вопросом, не подкрашивает ли он их. Крестный Лизы всегда был невероятно тщеславным. Она не знала другого мужчину, который бы так регулярно посещал парикмахера, маникюрный салон и даже салон, где удаляли лишние волосы с груди, ног и других частей тела, о которых Юлия не хотела даже и думать.

– Последний раз я приезжал в отпуск в Берлин на предпоследнее Рождество, не так ли? – вслух размышлял он.

Даниэль нервно улыбнулся, и Юлия тотчас почувствовала, что она не единственная, у которой на душе лежит какая-то тяжесть.

Лицо капитана было бледное, в уголках рта почти серое, как у человека, перенесшего продолжительную болезнь, и нуждающегося в свежем воздухе. Он стоял в своей каюте у шкафа-стенки из прочного красного дерева, нависавшей над дверью, вероятно в его спальню, с потерянным видом, и, несмотря на свою

статную фигуру, производил впечатление человека, которому белый китель с четырьмя золотыми полосками на мягких погонах стал слишком велик. На его щеках выделялись тонкие прожилки, из-за чего кожа под его усталыми глазами была похожа на мрамор. Но его веки не были опухшими – признак того, что он все еще воздерживался от спиртного.

Просто чудо, что он вообще снова носил капитанскую фуражку. Пять лет тому назад на «Султане» произошел неприятный инцидент, о котором Даниэль не хотел говорить, вероятно, в его трудовом договоре имелся пункт о неразглашении служебной информации. Юлия лишь знала, что это происшествие так расстроило его, что он запил и чуть было не допился до белой горячки и был на год отстранен от работы. После отстранения от работы на круизных лайнерах Даниэль оказался бы в лучшем случае на каком-нибудь дряхлом грузовом судне, если бы его шеф, владелец круизной компании Егор Калинин, сам не был завязавшим алкоголиком, который проповедовал принцип второго шанса.

– Итак, теперь еще раз, только спокойно, – сказал Даниэль. Он поставил ресторанные фарфоровые чашки с дымящимся кофе на столик обеденного уголка. Аромат свежемолотого кофе приятно смешивался с вездесущим на борту судна запахом освежителя воздуха. – Что ты имела в виду, заявив, что я должен остановить «Султан» и повернуть назад? Тебе уже стало скучно на борту?

Усаживаясь на обтянутый кожей стул с закругленными подлокотниками, он неуверенно улыбнулся. Юлия с трудом втиснулась на узкое сиденье обеденного уголка и прикинула, насколько откровенна она могла быть с Даниэлем, чтобы он воспринял ее беспокойство всерьез. В конце концов она решила выложить ему все без утайки и в нескольких словах рассказала о своей интрижке с Томом, о проблемах Лизы. И о страшном видео.

– И теперь ты опасаешься, что твоя дочь может покончить с собой на борту моего судна? – спросил Даниэль, когда она закончила свой невеселый рассказ.

Она надеялась, что он посмеется над ней, как в первый момент их встречи. Скажет, что ей всюду мерещатся несуществующие опасности, или сделает что-нибудь такое, что успокоит ее. Однако Даниэль был непривычно молчалив. Он лишь дул на дымящийся кофе и потирал большим пальцем логотип пароходной компании на фарфоровой чашке, медведя в обрамлении золотых лавровых листьев со стилизованной короной на голове.

– Не беспокойся, – сказал он наконец странно сдавленным голосом.

– Но…

– Я знаю, где Лиза, – прервал он робкую попытку Юлии протестовать.

– Ты знаешь…

Даниэль кивнул:

– Она уже нанесла мне визит, хотела быть на мостике при выходе в море.

– Это означает, что она…

– В безопасности и в хороших руках, именно так. Я передал ее под опеку моей директорши отеля. Она лично позаботится о том, чтобы для Лизы поскорее организовали экскурсию по судну.

– Фу. – Юлия с шумом выдохнула и на мгновение облегченно прикрыла глаза. Ее пульс все еще частил, но только потому, что с ее души свалился огромный камень. Она поблагодарила Даниэля, у которого был утомленный вид.

– Лиза и самоубийство… – покачивая головой, сказал он с едва заметной улыбкой, словно повторяя суть неуместной шутки. Неожиданно улыбка сползла с его лица. С печальным взглядом, какой бывает у маленького мальчика, который только что осознал, что его любимое домашнее животное умерло, он сказал: – Возможно, самое лучшее было бы, если бы за борт прыгнул я сам.

Услышав эти слова, Юлия часто заморгала. Неожиданно у нее появилось такое чувство, что напротив нее сидел совершенно незнакомый ей человек.

– Что ты такое говоришь? – растерянно спросила она.

Даниэль тяжело вздохнул:

– Я попал в трудное положение. В очень трудное положение.

Юлия с трудом справилась с желанием посмотреть на часы. Уже прошло пять минут с момента, как она начала свой рассказ, или на этот раз Даниэлю удалось быстрее перевести тему разговора на свои проблемы?

Капитан вздохнул, отодвинул от себя чашку и усталым голосом сказал:

– Проклятье, собственно говоря, я не имею права ни с кем говорить об этом. Но в данный момент ты единственная на корабле, кому я могу доверять.

– Да что же стряслось? – спросила Юлия, совершенно сбитая с толку.

– Но ты не должна никому говорить об этом: у нас на борту «двадцать третий пассажир».

Глава 9

Мартин последовал за Герлиндой Добковиц с балкона назад в апартаменты.

– Извините нас, пожалуйста, – сказала пожилая дама дворецкому и, подмигнув, кивнула в сторону своей огромной кровати. – Господин Шварц хочет показать мне новую позу из Камасутры.

– Разумеется, – ответил Грегор даже не моргнув глазом и встал со своего места у письменного стола.

Герлинда бросила на Мартина такой взгляд, словно ее дворецкий был здесь персоной, о душевном состоянии которой нужно было беспокоиться.

– Он начисто лишен чувства юмора, – извинилась она шепотом, однако достаточно громко, чтобы Грегор мог слышать ее. – Но он помогает мне завершить труд всей моей жизни, не так ли, Грегор?

– Я очень рад, что мне позволено помогать вам при этом, госпожа Добковиц.

– Да, да. И куры дохнут от кариеса.

Она закатила глаза и, сгорбившись, двинулась нетвердой походкой к привинченному к полу глобусу. Затем она откинула крышку и достала из бара внутри глобуса бутылку яичного ликера. Свои сигареты она снова сунула в карман.

– Я знаю, что обо мне говорят, – сказала она, после того как Мартин на вопрос, не хочет ли он что-нибудь выпить, ответил отрицательно.

Ему нужны были ответы, а не алкоголь.

Герлинда налила себе полстакана ликера и с наслаждением сделала небольшой глоток.

– Люди думают, что я транжирю наследство своего мужа в круизах по морям и океанам. А между тем это я была при деньгах в нашей семье. Это была моя строительная фирма. Я переписала ее на бедного простофилю только из-за налогов. Знаете, под каким слоганом мы рекламировали строительство дорог?

Она рассмеялась еще до того, как озвучила рекламный девиз своей фирмы: «Добковиц: мы чиним препятствия на вашем пути!»

Мартин и бровью не повел.

– Это все очень интересно, но вы хотели…

– А вам известно, почему я действительно нахожусь на борту? – Герлинда отпила еще один глоток густой субстанции, которую Мартин никогда не смог бы проглотить уже из-за ее яичного цвета. – Не для того, чтобы отдыхать. И не для того, чтобы провести последние дни, транжиря деньги, прежде чем меня засунут в деревянную пижаму. А для того, чтобы здесь работать не разгибая спины. – Она помахала правой рукой в воздухе. – Грегор, скажите ему, над чем я работаю.

– Мне выпала честь помочь вам написать книгу, – услужливо ответил дворецкий, так и не решивший, должен ли он уйти, или ему следует отвечать и на другие

вопросы.

– И не какую-нибудь книгу! – Герлинда с торжествующим видом хлопнула в ладоши, продемонстрировав толстые золотые кольца, украшавшие ее высохшие, старческие пальцы. – А настоящий триллер о скрытых преступлениях, совершенных в открытом море. Поэтому я так хорошо информирована. Благодаря моим поискам. У меня повсюду есть уши, и каждую ночь я совершаю контрольные обходы. Или, точнее выражаясь: контрольные объезды? – Она кивнула на свою инвалидную коляску. – Как бы то ни было… Только поэтому я вообще увидела это.

– Что вы увидели? – спросил Мартин. Тем временем его охватило такое нетерпение, что он уже был готов обеими руками схватить старуху за ее морщинистую шею, чтобы вытрясти из нее правду о находке плюшевого медвежонка.

– Девочка. Сначала они пытались убедить меня в том, что это был мешок для грязного белья. Но с каких это пор бельевые мешки плачут после полуночи на третьей палубе и при этом у них такой бледный вид, как у Иисуса Христа в Страстную пятницу?

Герлинда поставила стакан с яичным ликером на комод и, откинув сиреневую занавеску, сплетенную из тонких нитей, протиснулась мимо Мартина в соседнее помещение.

Мартин последовал за ней и оказался в комнате, которая напомнила ему кадры из какого-то психологического триллера, в котором убийца прикреплял кнопками к стене газетные вырезки со статьями о своих «подвигах», составляя из них коллаж, а затем ножом для разрезания напольного покрытия вырезал глаза на снимке своей следующей жертвы.

– В этой комнате собраны результаты всех моих расследований, – коротко пояснила Герлинда.

Большую часть комнаты занимал черный канцелярский шкаф, стоявший в центре, словно оборудование в современной кухне. Забитые книгами и папками настенные полки занимали три из четырех стен комнаты. Вся внешняя стена, кроме небольшого окошка, была обита зелеными панелями. На них

расположились фотографии, чертежи судна, планы кают, газетные статьи, самоклеящиеся цветные листочки с рукописными пометками, сделанными белым маркером; такие же листочки красовались на папках с документами.

Мартин заметил стрелки, полосы, жирные линии, ими были обведены слово «убийца» и словосочетание «Бермудская палуба», которое встречалось три раза.

Герлинда открыла один из верхних выдвижных ящиков и вынула тонкую папку, из которой извлекла газетную статью.

«Пропали без вести в открытом море», – гласил заголовок «Аннаполис сентинел», одной из американских местных газет.

– Один из акционеров пароходной компании медиамагнат. Он сделал все, чтобы история не была предана огласке. За исключением нескольких блогов в Интернете этот грязный бульварный листок, пожалуй, единственный, написавший об этом случае.

Герлинда слегка коснулась указательным пальцем фотографии, на которой были изображены мать с дочерью, перед тем как подняться на борт «Султана». Они стояли у подножия трапа, где фотографировали всех пассажиров круизного лайнера, чтобы позднее те могли выкупить свою фотографию за большие деньги.

– Ваша жена и Тимми пропали пять лет тому назад во время трансатлантического плавания на «Султане»? – спросила Герлинда.

Мартин кивнул, словно находясь в трансе.

– Н-да, что тут скажешь. Австралийский маршрут тоже не намного безопаснее.

Она снова показала на фотографию в газетной статье.

– Почти восемь недель тому назад Наоми и Анук Ламар словно растворились в воздухе, в четырех днях пути от побережья Австралии.

Мартин буквально вырвал статью у нее из рук.

– Это случилось еще раз?

Еще раз мать со своим ребенком? И снова на «Султане»?

Эксцентричная старушка покачала головой:

– Не еще раз. А скорее в очередной раз.

Глава 10

Юлия поставила свою чашку на стол, так и не сделав ни одного глотка, и искоса посмотрела на Даниэля.

– Что за пассажир?

Капитан печально улыбнулся.

– Ты не понимаешь, о чем я говорю. Ясно. Но поверь мне, это очень скоро изменится. Тогда это выражение будет у всех на устах.

Двадцать третий пассажир?

– Надеюсь, это не заразное, – попыталась пошутить Юлия, но даже ей самой это не показалось смешным.

– Чтобы ты смогла понять, мне придется начать издалека.

Даниэль вытащил из-под скамьи дорожный чемоданчик на колесиках. Юлия услышала, как открылись защелки, и вскоре перед ней на столе уже лежал тонкий черный скоросшиватель.

Даниэль снял резинку, которой была скреплена обложка скоросшивателя, и раскрыл его.

– Это произошло два месяца тому назад во время путешествия вокруг света на участке пути между австралийским портовым городом Фримантл и столицей Маврикия и основным портом этого островного государства Порт-Луи. – Он повернул скоросшиватель таким образом, чтобы Юлия могла видеть цветную копию фотографии размером с почтовую открытку. На фотографии были запечатлены два человека: улыбающаяся загорелая женщина со стрижкой под пажа, по лицу которой было видно, что большую часть своего свободного времени она проводила в фитнес-студии и никогда не заходила в супермаркет без таблицы калорийности продуктов. Она держала за руку маленькую, худенькую девочку, напоминающую Юлии Лизу, когда той было лет десять: серьезное, но открытое лицо с румяными щечками, с растрепанными ветром блестящими, шелковистыми волосами, каждая прядь переливалась другим каштановым оттенком, но ни одна из них не была такой темной, как огромные глаза, которые сразу приковывали к себе внимание. У девочки были слегка оттопыренные уши, которые с возрастом еще «зарастут», именно это слово употребляла Юлия, пытаясь успокоить Лизу, когда ее дочь обнаруживала в своем теле что-то новое, что ей не нравилось. Во всяком случае, по виду девочки нельзя было сказать, что она страдала от этого изъяна, настолько дерзко она смотрела в объектив фотоаппарата.

– Это Наоми и Анук Ламар, – пояснил Даниэль. – Мать и дочь. Тридцати семи и одиннадцати лет от роду, из Соединенных Штатов. Обе исчезли из своей каюты с балконом в ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа.

Юлия оторвала взгляд от фотографии.

– Они исчезли?

Даниэль кивнул:

– Так же как и все остальные.

– Минутку. – Юлия недоверчиво посмотрела на него. – Ты хочешь сказать, что на «Султане» пропадают люди?

– Не только на «Султане», – ответил Даниэль и нервно забарабанил пальцами по крышке стола. – На всех круизных лайнерах. Это огромная проблема, о которой

ты не найдешь ни одного слова ни в одном каталоге. Конечно, официальной статистики нет, такая информация не должна стать достоянием общественности, но на последних слушаниях конгресса США нашей отрасли были-таки сняты штаны. После долгих колебаний пришлось признать, что за последние десять лет бесследно исчезли сто семьдесят семь пассажиров круизных лайнеров.

– Так много? Куда же они все подевались?

– Покончили с собой, – ответил Даниэль.

Ее сердце учащенно забилось, и Юлия почувствовала, что ей стало трудно дышать.

– По меньшей мере, таково официальное объяснение. И в большинстве случаев так оно и есть. Школьный наставник Лизы прав. Нет более подходящего места для самоубийства, чем круизный лайнер. Здесь не нужны ни бритвенные лезвия, ни веревка, ни таблетки.

Юлия почувствовала, как страх сдавил ей горло.

Теперь ты понимаешь, почему вы должны немедленно покинуть это судно?

– Прыжок через поручни – и дело сделано. Ни трупа, ни свидетелей. Идеальное место, чтобы лишить себя жизни. Незаметно, в открытом море, лучше всего глубокой ночью, задуманное никак не может сорваться. При прыжке с высоты почти шестьдесят метров человек разобьется насмерть уже при ударе о воду, ну а если нет… – Даниэль болезненно поморщился, дернув уголком рта, – тогда желаю хорошо повеселиться при встрече с гребным винтом. Самое лучшее: не надо беспокоиться о дорогих родственниках, которые были бы шокированы при виде изуродованного трупа.

Юлия еще раз бросила взгляд на фотографию Наоми и Анук. Что-то не складывалось в пояснениях Даниэля.

– Ты хочешь сказать, что мать и дочь вместе прыгнули за борт? – спросила она.

– Конечно, не взявшись за руки. В каюте мы обнаружили салфетку, смоченную хлороформом. По всей вероятности, миссис Ламар сначала усыпила свою дочь, а затем сбросила ее с балкона и только после этого прыгнула сама. Такое происходит у нас уже не в первый раз.

Юлия кивнула. Она вспомнила телерепортаж о случаях, когда родители сначала убивали своих детей, а затем кончали жизнь самоубийством. Видимо, это происходило так часто, что в судебной медицине даже появился термин «расширенный суицид». Она попыталась представить себе, что должно было твориться в душе матери, которая убивала свою дочь, но это ей не удалось.

– Сто семьдесят семь самоубийств? – вслух подумала она, все еще поражаясь такому невероятно большому количеству суицидов.

Даниэль кивнул.

– И это только те случаи, которые мы не смогли утаить. Поверь мне, скрытое число будет больше. Гораздо больше.

– И каково же оно?

– На всех круизных лайнерах, которые в настоящее время бороздят океанские просторы, по нашим оценкам, каждый год за борт бросаются в среднем двадцать три человека.

Двадцать третий пассажир!

Теперь Юлия поняла, что имел в виду Даниэль.

– У вас снова потерялся один пассажир?

У нас двадцать третий пассажир!

– Нет. – Даниэль покачал головой. – Это не было бы большой проблемой. Мы уже научились скрывать такие случаи.

Скрывать?

– Дай угадаю. Именно такое сокрытие обнаружилось в прошлый раз, когда ты чуть было не потерял свою работу и здоровье?

– Да, – откровенно признался Даниэль. – Но на этот раз все гораздо сложнее.

Капитан показал на фотографию милой девчушки со слегка оттопыренными ушами.

– Анук Ламар исчезла восемь недель тому назад. Мы остановили корабль, проинформировали береговые службы, потратили восемьсот тысяч долларов на абсолютно бессмысленные поиски с привлечением катеров и самолетов, объявили ее погибшей, организовали похороны с пустым гробом и потратили огромные деньги на то, чтобы эта история была подана средствами массовой информации как самоубийство, прежде чем смогли наконец отправить это дело в архив.

Даниэль вынул из черного скоросшивателя вторую фотографию. Юлия даже не сразу узнала малышку, так сильно она постарела. Не физически, а психически. Самоуверенное выражение ее лежащих в темных глазницах глаз сменилось жуткой пустотой. В них читалось тупое безразличие к происходящему вокруг, а ее некогда великолепные каштановые волосы превратились в нечесаные космы. Ее кожа приобрела нездоровую бледность, словно она целую вечность не видела солнца.

– Когда была сделана эта фотография? – робко поинтересовалась Юлия.

– Позавчера.

На губах Даниэля появилась горькая улыбка.

– Ты не ослышалась. Малышка снова появилась на корабле позавчера ночью.

Глава 11

Она отсутствовала восемь недель?

Мартин все еще никак не мог свыкнуться с этой мыслью.

Конечно, он знал, что без вести пропавшие в открытом море пассажиры не были редкостью.

В первое время после смерти Нади и Тимми он тщательно изучал каждый отдельный случай, а таких случаев были десятки.

Он посещал группы самопомощи, которые основали родственники «жертв круизных туров»; разговаривал с адвокатами, которые специализировались на процессах по возмещению ущерба со стороны пароходных компаний, и пытался сделать капитана «Султана морей» лично ответственным за то, что операция по поиску его семьи была такой же недостаточной, как и доказательства, собранные в каюте его жены.

Вплоть до проигранного процесса против капитана Даниэля Бонхёффера и пароходной компании он в течение нескольких лет после исчезновения Нади и Тимми тщательно прослеживал каждое сообщение о преступлениях на круизных лайнерах. Но потом он понял, что своей борьбой против пароходных компаний он пытался лишь заглушить душевную боль. Что бы он ни делал, это никогда не вернет ему его семью. Окончательно осознав это, он прекратил отслеживать сообщения о лицах, пропавших без вести в открытом море. Они потеряли для него всякое значение, так же как и сама жизнь. Поэтому сегодня он впервые услышал имя Анук Ламар.

– И теперь она внезапно снова появилась здесь? – повторил он предложение, которым Герлинда Добковиц только что закончила свой длинный монолог.

– Да. Я видела ее собственными глазами. Это случилось в конце моего ежедневного контрольного обхода, в средней части судна, в переходе между второй и третьей палубами. Я только что повернула за угол, когда худенькая малютка выбежала прямо на меня. Она неслась, повернув голову назад, словно пыталась от кого-то убежать. Я услышала быстрые шаги, заглушенные этим толстым ковром, в котором моя коляска все время застревает, как в песке, но это не важно… Гораздо важнее, что я видела, как Анук остановилась, чтобы бросить что-то в латунное мусорное ведро, висевшее на стене.

Во время рассказа на щеках Герлинды выступил лихорадочный румянец, казалось, что это воспоминание заставило ее оживиться.

– В то время как Анук не двигалась с места, я как можно быстрее отъехала за один из этих гигантских цветочных горшков, с помощью которых здесь, на посудине, они озеленяют коридоры, и как раз вовремя, прежде чем капитан смог увидеть меня.

– Капитан?

– Понятия не имею, что он потерял там в такой поздний час, но он буквально столкнулся с девочкой. Вот, посмотрите сами!

Герлинда вытащила из кармана своего спортивного костюма сотовый телефон и показала Мартину фотографию. Она оказалась темной и смазанной.

– Да, да. Я не Гельмут Ньютон в обращении с фотокамерой. – Герлинда надула губки. – Надо было фотографировать со вспышкой, но я не хотела, чтобы меня заметили. из-за этих цветов мне и так пришлось изгибаться всем телом, чтобы хоть что-то попало в объектив.

– А кто это еще на фотографии? – спросил Мартин.

Рядом с маленькой девочкой и высоким мужчиной на фото была видна еще одна фигура, стоявшая между ними. Она была лишь немного выше Анук и почти такой же худой.

– Это Шахла, добрая душа. Иногда она убирает и мою каюту. Шахла присоединилась к Анук и капитану, после того как забрала из медпункта целую кипу облеванных полотенец. Из-за сильного волнения на море та ночь была неспокойной.

Движениями правой руки Герлинда продемонстрировала, как корабль качался на волнах.

– Признаюсь, что в тот момент, когда я сделала это фото, я понятия не имела, кем была эта девчушка. Я поняла это позднее, когда просматривала собранные

мной документы и в статье о пропаже Анук Ламар наткнулась на ее фотографию. Но в первую же секунду мне стало ясно: малышка нуждается в срочной помощи. Ведь как-никак уже было полпервого ночи, а на девочке, кроме футболки с короткими рукавами и трусиков, ничего больше не было, и ее лицо было зареванным. На вопрос капитана, не заблудилась ли она, малышка ничего не ответила. Как и на вопрос, где ее родители.

– И вы слышали все это собственными ушами?

– А вы думаете, что я сижу в инвалидном кресле потому, что глухая? Хотя цветы и закрывали мне видимость, но они не мешали мне подслушивать. Я также слышала, как капитан настоятельно рекомендовал Шахле никому не рассказывать об этом. Затем они отвели бедную малышку в медпункт к докторше Бек. Когда все ушли, я нашла это в мусорном ведре.

Герлинда показала на мягкую игрушку, которую Мартин все еще крепко сжимал левой рукой.

– Она бросила его в мусорное ведро? – Мартин пристально посмотрел на медвежонка, который одновременно показался ему таким знакомым и в то же время совершенно чужим.

– Клянусь швом своих антитромбозных чулок. – Герлинда подняла вверх правую руку. – Вы же сразу узнали его, не так ли?

Герлинда помолчала и продолжила говорить только тогда, когда он посмотрел ей прямо в глаза.

– Ведь это же тот самый медвежонок, которого на всех фотографиях, появившихся тогда в газетах, крепко держит в руках ваш сын, Тимми, или я не права?

Мартин кивнул. Строго говоря, это был лишь один-единственный журнал, в котором в статье под заголовком «Угадайте – почему все больше людей бесследно исчезают на круизных лайнерах?» сообщалось о судьбе его семьи и при этом была напечатана фотография Тимми с медвежонком.

Просто удивительно, как хорошо была информирована эта Герлинда Добковиц.

– И это произошло позавчера? – спросил Мартин.

– Да. Во время следования из Осло в Гамбург.

– Уже известно, где все эти недели пропадала Анук?

Герлинда сделала неопределенный жест своей костлявой ладошкой.

– Я не могу себе этого даже представить, а капитан был так взволнован, когда на следующее утро я нанесла ему визит. – Она лукаво улыбнулась. – Сначала он все отрицал и попытался убедить меня в том, что мои бета-блокаторы, возможно, вызвали у меня галлюцинации. Но потом, когда он увидел фотографию, капитан наложил в штаны и помчался к Егору.

– Егору Калинину? Владельцу пароходной компании? Он здесь, на борту «Султана»?

– Две недели тому назад во время стоянки в Фуншале, на острове Мадейра, он занял двухэтажные апартаменты. Вы знакомы с ним?

Мартин кивнул. Однажды он уже встречался с ним в суде. Большинство представляло себе этого бывшего солдата Иностранного легиона немецко-русского происхождения грубым, неотесанным великаном. В действительности этот пятидесятисемилетний миллионер, добившийся успеха своими собственными силами, которому принадлежал второй по численности флот круизных лайнеров в мире, внешне был похож скорее на интеллектуального преподавателя вуза. Сутулая осанка, очки без оправы на остром носу, говорящем о педантичности и въедливости его обладателя, залысины, которые доходили да самых ушей.

А что он делает здесь, на борту?

– Между прочим, именно от него я получила номер вашего мобильника, – пояснила Герлинда.

– Что?

– Егор лично зашел ко мне в каюту и начал молоть чепуху о том, каким вредным может быть слух о бесследно пропавших и вновь появившихся пассажирах. Он явно хотел нагнать на меня страху и передал мне папку с документами о судебном процессе, который вы вели против него. Как бы между прочим он заметил, что я ведь не хочу проиграть дело из-за фальшивых обвинений, как это произошло с вами, герр Шварц. – Герлинда иронично усмехнулась. – При этом он, видимо, не заметил, что ваш личный телефонный номер был указан в материалах дела. Если так посмотреть, то это именно он и этот ограниченный Бонхёффер натолкнули меня на мысль вступить с вами в конт…

– Бонхёффер? – перебил ее Мартин, потрясенный до глубины души. – Даниэль Бонхёффер?

Преступник, который даже не посчитал нужным остановить судно и повернуть назад?

– Да. Что это вы вдруг побелели как полотно?

Но ведь это было невозможно. Хотя Мартин и проиграл процесс, но после этого происшествия Бонхёффер был отстранен от должности.

– Да, Даниэль Бонхёффер. Капитан.

Молния пронзила голову Мартина, словно кто-то сверлил его мозг раскаленной иглой.

– Ах, боже мой! Разве вы не знали, что его снова назначили капитаном «Султана»? – озадаченно спросила Герлинда.

Мартин не стал прощаться. Ни с ней, ни с дворецким, находившимся в соседней комнате. Он схватил свой вещмешок, сунул медвежонка в один из накладных карманов и бросился вон из каюты с такой же скоростью, с какой невыносимая боль распространялась в его голове.

Глава 12

– Мы понятия не имеем, где все это время была Анук, – ответил Даниэль на вопрос, который только что задала ему Юлия. – Малышка не говорит ни слова. Она нема как рыба.

– Это невероятно! – воскликнула Юлия.

До такой степени невероятно, что она задалась вопросом, почему же об этом сенсационном случае до сих пор ничего не сообщили средства массовой информации. Во время перелета из Берлина в Лондон она пролистала все свежие газеты. Ни в одной из них не было ни строчки о девочке, которая подобно Иисусу воскресла из мертвых на одном из круизных лайнеров.

– В ту ночь было сильное волнение на море, и в конце смены я решил посмотреть, все ли в порядке в корабельном медицинском пункте, когда по пути туда неожиданно столкнулся с малышкой. Сначала я подумал, что девочка заблудилась, но ее лицо показалось мне удивительно знакомым. Странным было также то, что у нее не было браслета, который носили на запястье все дети на борту «Султана», такую розовую пластиковую ленточку с маленьким микрочипом. С его помощью они могли открывать двери в зоны, предназначенные для детей, и покупать соки, сладости или мороженое в барах.

– И поэтому в чипе хранятся персональные данные? – спросила Юлия, не отрывая взгляда от фотографии Анук, которую ей подал Даниэль. Она была сделана в помещении с искусственным освещением, на заднем плане виднелся белый шкафчик с красным крестом.

– Совершенно верно. Но в медпункте и без браслета удалось очень быстро установить ее идентичность. И доктор Елена Бек тоже сразу подумала об Анук Ламар, когда я привел малышку к ней, что и подтвердило сравнение с фотографией, сделанной два месяца тому назад.

– Невероятно, – с шумом выдохнула Юлия.

– А что с ее матерью? – спросила она.

– Она по-прежнему считается пропавшей без вести.

– А ее отец?

– Три года тому назад умер от рака. У нее остался только дедушка, проживающий где-то недалеко от Вашингтона.

– И как же он прореагировал на сообщение, что его внучка жива?

– Дедушка? Никак. Мы не сообщили ему об этом.

Юлия удивленно подняла брови:

– А это еще почему?

– По той же самой причине, по которой мы еще не связались с органами власти.

– Прости, ты хочешь сказать, что вы еще не сообщили об этом полиции?

– Не сообщили. Мы не поставили в известность органы власти ни в Германии, ни в Англии, ни в США. Если бы мы это сделали, то сейчас мы вряд ли плыли бы в Нью-Йорк.

– Момент, – сказала Юлия, сильно растягивая «о». – Маленькая девочка, которая несколько недель тому назад сначала была объявлена пропавшей без вести, а потом мертвой, вдруг неожиданно снова появляется, как бы из ничего, и это замалчивается? Просто так?

Поэтому в газетах не было никаких сообщений.

– Не просто так, – возразил Даниэль. – Все очень сложно. Ты этого не поймешь. – На глаза капитана навернулись слезы. – Проклятье, ты все еще не понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю.

И это верно. Она пришла к нему, чтобы поговорить о своей тревоге за Лизу, а сейчас их беседа превратилась в исповедь ее крестного.

– Тогда просвети меня, – кротко попросила Юлия.

Если бы они были в более близких отношениях, она бы взяла его за руку.

– Мне очень жаль, но я совершенно запутался. Меня шантажируют. И я не знаю, что мне делать.

– Каким образом? Чем? И кто?

– Мой босс, Егор Калинин. Я должен выяснить, где была Анук и что с ней сделали. У меня на это шесть дней. Пока мы не прибудем в Нью-Йорк.

– Ты один?

– По меньшей мере, без органов власти и без официальной помощи.

– Но почему? – Юлия все еще ничего не понимала.

– Потому что это дело не должно стать достоянием общественности. Это было бы смерти подобно.

Даниэль встал и подошел к письменному столу, представлявшему собой сплошную отшлифованную столешницу из красного дерева, которая покоилась на двух тумбочках. В этих закрываемых на ключ тумбочках хранились документы и другие официальные бумаги. В правой тумбочке находился сейф, более вместительный, чем это могло показаться на первый взгляд, так как Даниэль, открывший сейф с помощью цифрового кода, вынул из него папку для подшивки бумаг внушительного размера.

– Ты помнишь, я сказал тебе, что в большинстве случаев причиной такого явления, как «двадцать третий пассажир», было самоубийство?

– Да.

– Это неправда.

Вернувшись на свое место, Даниэль наугад раскрыл папку где-то ближе к началу.

Он слегка коснулся пальцем раскрытой страницы, которая выглядела как верхний лист полицейского дела.

– Вот только один пример. 2011 год, круизный лайнер «Принцесса Прайд» совершает плавание вдоль мексиканской Ривьеры. Марла Кей, тридцати трех лет, американка. Она исчезает в ночь с третьего на четвертое декабря. Согласно докладу экипажа судна, юная мамаша, находившаяся в состоянии алкогольного опьянения, потеряла равновесие и упала за борт. Но почему было повреждено ее портмоне, украшенное жемчугом? И куда исчезли деньги? И почему единственная видеокамера, которая могла бы доказать факт ее падения, была накрыта картонной коробкой?

Даниэль перелистал несколько страниц.

– Или вот еще, год спустя, снова в декабре, на этот раз на таком же судне, как наш «Султан», на «Посейдоне морей». Каюта 5167. Пятидесятидвухлетняя жительница Мюнхена решила утром в день годовщины своей свадьбы немного поплавать в бассейне. Больше ее не видели. После поверхностных поисков экипаж судна посчитал это самоубийством. Хотя еще накануне эта дама записалась к парикмахеру на день своего исчезновения! Или вот, совсем недавно… – Даниэль открыл последнюю страницу, – случай с итальянцем Адриано Монетти, который бесследно исчез у берегов Мальты с борта лайнера «Ультра Лайн 2», после того как сказал своим друзьям на дискотеке, что ему нужно на минутку выйти в туалет.

Даниэль с шумом захлопнул папку.

– Я мог бы продолжать так часами. Существуют целые веб-страницы, которые занимаются феноменом пропавших без вести пассажиров: internationalcruisevictims.org, cruisejunkie.com или cruisebruise.com, это только три самых известных. И это не веб-страницы каких-нибудь чудаков, помешанных на теории заговоров, а серьезные места встречи для родственников и Cruise Victims («Жертв круизных туров»), как называют себя люди, которые считают, что их близкие стали жертвами преступлений, совершенных в открытом море.

Юлия заметила, что лоб Даниэля покрылся испариной.

– Многие из этих веб-страниц создаются адвокатами. И это неудивительно. Индустрия морских круизов быстро растет, на судах совершаются миллиардные сделки. В настоящее время триста шестьдесят лайнеров бороздят океанские просторы, только в этом году к ним добавятся тринадцать новых кораблей. Логично, что крупные американские адвокатские конторы, трудясь до седьмого пота, специализируются на предъявлении судовладельцам исков на возмещение ущерба. После авиационной и сигаретной промышленности круизные компании являются следующей целью в перекрестии прицела адвокатов, специализирующихся на таких процессах.

– То есть речь идет о деньгах? – спросила Юлия.

– Конечно. Речь всегда идет о деньгах. Как только полиция узнает об Анук, «Султан» будет арестован и подвергнут тщательному досмотру. Все пассажиры будут обязаны покинуть судно, и они потребуют свои деньги назад плюс возмещение убытков. Каждый день простоя будет стоить нам миллионы, а здесь речь идет о неделях! И это еще ерунда по сравнению с коллективными исками, которые будут предъявлены нашей компании позже.

Юлия заметила, как капелька пота отделилась от корней его волос и скатилась вниз по виску.

– Теперь я понимаю, – сказала она и строго посмотрела в глаза Даниэлю. – Все эти годы вам удавалось выдать за самоубийство каждый даже самый странный случай исчезновения пассажиров. Все сходило вам с рук, пока никто из пропавших без вести не объявлялся вновь.

Даниэль кивнул.

– А таких случаев были сотни. Теперь будет заново открыто следствие по каждому из них. Компания этого не переживет. Этого не переживет и вся круизная индустрия.

– И поэтому ради прибыли эта девочка должна быть принесена в жертву? – спросила Юлия и встала.

– Нет, конечно нет. – В голосе Даниэля прозвучали нотки отчаяния. – Я сделаю все, чтобы предотвратить самое худшее.

– Самое худшее? Что случится, если до Нью-Йорка тебе не удастся выяснить, что произошло с Анук?

Капитан поднял голову. Его взгляд стал твердым.

– Тогда они сделают так, чтобы девочка снова исчезла. Но на этот раз навсегда.

Глава 13

Мартин остановился перед входом в корабельную клинику, находившуюся на третьей палубе, прочел фамилию врача на двери: «Доктор Елена Бек», – и вспомнил другую Елену, которая тоже имела ученую степень доктора наук, но работала не корабельным врачом, а была психологом в консультации по вопросам брака в районе Берлина Митте на улице Фридрихштрассе, на прием к которой однажды записалась Надя. Но они так и не решились пойти туда. Отчасти из-за того, что проявили малодушие, отчасти из-за убеждения, что справятся со своими семейными проблемами и без посторонней помощи.

Как наивно.

В их семейной жизни часто случались кризисы. Ничего удивительного. Работая в качестве полицейского агента под прикрытием, Мартин иногда неделями, а то и месяцами не появлялся дома. А пять лет тому назад произошел большой скандал, который наглядно продемонстрировал Мартину, что дальше так продолжаться не может.

Завершив учебу на очередных подготовительных курсах, Мартин неожиданно вернулся домой на один день раньше. Классический случай. Было восемь часов утра, их квартира в пригороде Берлина Шмаргендорф была пустой, Надя и Тимми уже ушли в школу. Постель, в которую он завалился, была не убрана и пахла потом. Духами.

И презервативом.

Он нашел его между простынями на Надиной стороне. Пустой, но размотанный.

Она ничего не отрицала, и он не стал ее упрекать. И у него возникали потребности в сексе во время долгих разлук по его же вине. В случае с ним эти потребности приглушались адреналином. А Наде оставалась только одна возможность, чтобы отвлечься, – завести интрижку.

Мартин так никогда и не узнал, кто был ее любовником, да и не хотел этого знать. Через две недели после обнаружения презерватива они решили, что его следующее задание будет последним. Мартин даже сказал, что немедленно уволится со службы, однако Надя знала, как много было поставлено на карту. Три месяца он работал над тем, чтобы войти в образ наркомана и закоренелого преступника. Вся его левая рука была исколота, некоторые места уколов можно было заметить даже сейчас. Польские полицейские, с которыми они тогда сотрудничали, хотели внедрить его в тюрьму для опасных преступников в Варшаве, в камеру известного неонациста, главаря банды, которая занималась переброской в Европу нелегальных иммигрантов. Мартин должен был завоевать его доверие, чтобы через него раздобыть информацию о сети торговцев людьми, которую тот контролировал. Мартин был уверен, что героин, который ему приходилось тогда впрыскивать себе в вену на глазах нациста, был причиной обмороков, иногда случающихся с ним в моменты предельного физического или психического напряжения. Тогда это было необходимо, чтобы его легенда не провалилась.

Если бы он заранее знал, что произойдет, он бы никогда не согласился участвовать в этой операции, которая должна была стать последней в его карьере. Надя и он договорились, что после завершения этой операции Мартин постарается получить должность во внутренней службе. Он твердо обещал это и оплатил ей и Тимми круизный тур, отдельный этап путешествия вокруг света продолжительностью двадцать один день. Он надеялся, что во время многодневного плавания Надя сможет отвлечься от мыслей, что в это время ее муж в последний раз рискует своей жизнью и что он сам в последний раз говорит своему сыну, что якобы находится в командировке за границей в качестве руководителя туристической группы.

Мартин бросил еще один взгляд на табличку с фамилией врача, которая вызвала целую цепь воспоминаний, постучал в дверь корабельной клиники и подождал,

пока ему открыли дверь.

– Да, входите, но вы, пожалуй, рановато, – с улыбкой встретила Мартина докторша и поздоровалась с ним за руку.

Доктору Елене Бек было на вид лет тридцать пять, светлые, заплетенные в косу волосы доходили ей до лопаток; за исключением ярко-красной помады и едва заметных теней для век она была не накрашена. Ее кожа по цвету почти не отличалась от ее белоснежного халата, и, вероятно, даже в дождливую погоду она нуждалась в креме для защиты от солнечных ожогов с защитным фактором не ниже пятидесяти. Зато ее глаза представляли собой интересный контраст на лице, симметричность которого навевала почти скуку. Они искрились, словно синие камушки мозаики на дне плавательного бассейна.

– Прошло всего лишь два часа после выхода в море, а вам уже стало плохо? – спросила доктор Бек, имея в виду телефонный разговор, который у них состоялся пять минут тому назад.

В порыве гнева Мартин сначала хотел приняться за капитана, за этого грязного подонка, которого он считал косвенно виновным в смерти своей семьи. Однако внезапно он почувствовал в каюте Герлинды Добковиц сильнейшую головную боль, и это вынудило его сначала выйти на свежий воздух. Когда через полчаса он наконец снова мог трезво мыслить, ему стало ясно, что необдуманный визит к капитану мог только насмешить того. Кроме того, посторонним вход на мостик был запрещен.

Правда, после разоблачений Герлинды Добковиц он не мог праздно сидеть в своей каюте. А поскольку он не знал, где в настоящее время находится вторая свидетельница, горничная Шахла Африди, то записался по телефону на прием к корабельной докторше.

– Но не беспокойтесь, герр Шварц, вы не единственный, кто страдает от морской болезни.

Доктор Елена Бек предложила ему сесть на вращающийся стул и открыла стеклянную дверцу шкафа. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы достать картонную коробку с верхней полки.

– Хорошо, что вы сразу заглянули ко мне. В Атлантическом океане волнение только усилится. Сейчас я вам что-нибудь вколю.

Она вынула из коробки стеклянную ампулу и снова повернулась к нему.

– Спасибо большое, но я уже сам вколол себе кое-что, – сказал Мартин.

Улыбка, которая до сих пор постоянно присутствовала на лице доктора Бек, медленно сползла с него. У Мартина возникло такое чувство, словно это он сам повернул диммер, отвечавший за интенсивность улыбки на лице докторши.

– Вы себе что-то вкололи?

– Да, вчера. Антитела ВИЧ. С тех пор я должен постоянно принимать средства для постэкспозиционной профилактики.

«И время от времени мою голову пронзает острая как бритва боль».

– Ради всего святого, скажите, зачем вы это сделали? – спросила Елена Бек, не в силах скрыть свое изумление.

Она была крайне смущена, ее голос дрожал, как и ее рука, в которой она держала ампулу с жидкостью от морской болезни.

– Чтобы подтасовать результаты теста на ВИЧ. Это длинная история. – Он махнул рукой. – Почти такая же длинная, как история Анук Ламар.

Очевидно, после диммера он нашел кнопку мгновенной заморозки. Мимика докторши Бек мгновенно застыла.

– Кто вы такой? – спросила она, прищурившись.

– Человек, который вам говорит, что сейчас вы возьмете телефонную трубку и наберете номер.

– Какой номер?

– Который вам дали на тот случай, если кто-нибудь будет задавать неудобные вопросы.

Доктор Бек попыталась рассмеяться, но у нее ничего не вышло.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите! – с наигранным возмущением воскликнула она.

– О похищении ребенка, например. О сокрытии преступления, о пособничестве, а возможно, и о соучастии в преступлении. В любом случае я говорю о потере вами разрешения на врачебную практику, если выяснится, что вопреки всем этическим нормам вашей профессии вы удерживаете в неволе маленькую девочку против ее желания.

Он видел, что каждое его слово было для докторши как пощечина. С каждой секундой щеки Елены пылали все ярче. И напротив, сам Мартин становился все спокойнее, сидя на удобном стуле для пациентов.

– Давайте же звоните, – сказал он, закинув ногу за ногу. – Я зарегистрировался под своей собственной фамилией. Капитан знает меня. Должно быть, набатные колокола все еще звонят, с тех пор как вчера ночью система бухгалтерского учета выдала мои данные. – Мартин показал на телефон, стоявший на безупречно прибранном письменном столе. – Позвоните ему.

Докторша нервно потрогала мочку уха. Повертела жемчужную сережку, словно это был регулятор громкости ее внутреннего голоса, который должен был подсказать ей, что теперь делать.

Она вздохнула.

Не выпуская Мартина из виду, она вынула из чехольчика, закрепленного на поясе ее униформы, мобильный телефон.

Нажав кнопку на номерной панели управления, она поднесла трубку к уху. Мартин услышал длинные гудки. После третьего гудка трубку сняли.

Доктор Елена Бек произнесла только два слова:

– Он здесь.

Потом она передала трубку Мартину.

Глава 14

– Добро пожаловать на борт, герр Шварц.

Мартин встал. У человека на другом конце линии был твердый, слегка хрипловатый голос. Он говорил по-немецки с едва уловимым славянским акцентом. Мартин дал бы ему лет пятьдесят пять – пятьдесят девять. Голос показался ему знакомым, однако он так и не вспомнил, кто это.

– Кто вы? – Мартин ожидал услышать голос капитана, но, видимо, трус не решился поговорить с ним даже по телефону.

– Меня зовут Егор Калинин, – ответил владелец пароходной компании, чем немало удивил Мартина. – Надеюсь, вам нравится мой корабль.

– Видимо, вы хотели сказать – ваша тюрьма. Где девочка?

Егор удовлетворенно икнул:

– Ага, значит, вы уже поговорили с Герлиндой Добковиц.

Мартин помедлил с ответом. Судовладелец воспользовался возникшей паузой, чтобы открыть ему, что он наилучшим образом информирован о каждом его шаге на борту «Султана».

– Вы же не думали в самом деле, что вас позвала на помощь выжившая из ума старая перечница? В действительности это я хотел, чтобы вы оказались на борту судна. Старая Добковиц думает, что подложила нам свинью, посвятив вас в суть дела, а при этом она сама попалась на один из моих фокусов.

Мартин молча кивнул. Он уже подумал об этом. Правда, он много лет не менял личный код доступа, но только потому, что для этого у него не было никакого повода. Конечно, его адвокаты тоже знали этот номер, но они никогда не опубликовали бы его в материалах судебного процесса. Должно быть, миллиардер располагал отличными источниками информации и намеренно передал Герлинде Добковиц папку с материалами дела, куда предварительно вписал номер его телефона.

– Почему вы рассказываете мне все это? – спросил Мартин. Он повернулся спиной к докторше и подошел к иллюминатору. Солнце как раз заходило, и горизонт над морем мерцал красноватым цветом.

– Чтобы добиться доверия.

Мартин иронично рассмеялся.

– Признавшись при этом, что манипулируете другими людьми?

– Да, я честный малый, – рассмеялся Егор. – И положа руку на сердце должен признаться, что мне пришлось использовать старушку Добковиц, чтобы заполучить вас в качестве сотрудника. Если бы вам позвонил Бонхёффер или я сам, вы бы никогда не поднялись на борт «Султана».

– Вы только что сказали «в качестве сотрудника»?

– Да. Я хочу вас нанять.

Теперь рассмеялся Мартин.

– В качестве кого именно?

– В качестве терапевта. Займитесь нашим «двадцать третьим пассажиром».

Мартин постучал себе по лбу:

– Я же не детский психолог.

– Но вы же изучали психологию.

– Это было давно.

– Кроме того, благодаря своей профессии вы знаете, как вести себя с травмированными жертвами. Вы можете находить укромные места. Позаботьтесь о малышке. Постарайтесь выяснить, где Анук провела два последних месяца.

Мартин прижал ладонь к холодному стеклу иллюминатора и покачал головой.

– Почему я должен помогать вам в похищении девочки?

– Потому что у вас нет другого выбора.

– Уж не угрожаете ли вы тем, что девочка навсегда исчезнет, если этот случай станет известен официальным властям? – спросил Мартин.

– Это сказали вы сами.

Мартину показалось, что в трубке послышалось приглушенное тявканье маленькой собачонки, но он не был наверняка уверен в этом.

– Бонхёффер считает, что с момента вашей трагедии у вас явно не все дома, – сказал Егор. – Тем не менее я полагаю, у вас хватит сообразительности и решимости, чтобы разгадать загадку Анук Ламар. А может быть, тем самым справиться и со своей собственной травмой. Ведь вы кровно заинтересованы в разгадке этого дела, я прав?

Мартин подумал о медвежонке, который теперь лежал в его вещмешке, и посмотрел на докторшу, которая во время всего разговора не шелохнулась. Она все еще стояла с ампулой в руке рядом с вращающимся стулом для клиентов, и у нее был вид человека, который чувствует себя неуместно на своей собственной вечеринке.

– Я думаю, надо сообщить об этом органам власти, – сказал Мартин.

Докторша едва заметно кивнула. Непроизвольный жест согласия.

– И что же вы им скажете? – Голос Егора зазвучал ниже, и судовладелец довольно похоже сымитировал баритон Мартина: – Алло, я Мартин Шварц, тот тип, который уже однажды выдвигал обвинение против пароходной компании Калинина и капитана «Султана морей». Да, я знаю, тогда никто не поверил мне, что моя семья не могла покончить с собой, хотя все улики говорили об обратном. Да, пресса писала, что, ослепленный горем, я хотел найти виновника трагедии, несмотря на салфетку, смоченную хлороформом, найденную рядом с кроватью сына. Тогда я проиграл все судебные процессы, и никто мне не поверил. Но теперь у меня есть неопровержимые доказательства того, что на корабле происходит что-то странное. – Егор рассмеялся, словно отпустил непристойную шутку.

– На этот раз ко мне прислушаются, – возразил Мартин. – Теперь есть слишком много свидетелей.

– Поговорим о сумасшедшей старушенции, которая даже на форумах эзотериков считается чокнутой? Ах да, желаю хорошо повеселиться с ФБР. Оно тотчас заявится сюда, как только мы сообщим о нашем «двадцать третьем пассажире». Ведь Анук Ламар американка. Они арестуют судно и будут в течение нескольких месяцев обыскивать его.

– И это будет стоить вам миллионы.

– А вам правды, Мартин. Неужели вы действительно верите, что ФБР сделает вам такое же предложение, как я?

– Какое предложение?

Мартину показалось, что его правое ухо раскалилось, и он приложил мобильник к другому уху.

– Я позволю вам разговаривать с девочкой, – сказал Егор. – Так долго и так часто, как вы захотите. И напротив, ФБР тотчас отстранит вас от расследования как лицо, заинтересованное в исходе дела, мой дорогой герр Шварц. Только сотрудничая со мной, вы получите неограниченный доступ ко всем помещениям на корабле.

– И я должен буду выяснить, что произошло с малышкой, не обращаясь к общественности?

– Правильно.

Мартин прикрыл глаза. Вновь открыл их. Но так и не смог найти никакого вразумительного решения.

– Где Анук? – спросил он.

– Доктор Бек проводит вас к ней. Завтра, прямо с утра.

– Я хочу видеть ее немедленно.

Егор рассмеялся:

– В этом-то и проблема с желаниями, герр Шварц. Только неподходящие желания исполняются немедленно. Сначала вам надо как следует выспаться. Завтра наверняка будет трудный день.

Глава 15

Кверки. Итак, ты проработаешь это?

Муншэдоу. Да, я так тебе благодарна.

Кверки. За что?

Муншэдоу. За то, что ты помогаешь мне в этом! Без тебя я бы никогда с этим не справилась.

Лиза поспешно захлопнула свой ноутбук и быстро сунула его под одеяло, так как ей послышался какой-то шум в каюте ее матери. Но видимо, это постукивала в пазах встроенная мебель, когда корабль качался на волнах. Никто не стучал в межкомнатную дверь.

Ух!

Меньше всего ей хотелось, чтобы мать увидела ее за компьютером. Свой мобильный телефон Лиза отдала ей на все время отпуска, притворившись, что делает это добровольно. Во-первых, звонки в открытом море и без того были бы слишком дорогими, а во-вторых, с помощью ноутбука, который она тайком пронесла на борт, было гораздо удобнее общаться в Интернете. К счастью, мать не заметила маленький ноутбук в ее рюкзаке.

Как не замечала и многое другое.

Выждав из предосторожности некоторое время, Лиза отважилась вновь вернуться в чат.

Правда, для этого ей пришлось снова зарегистрироваться, так как связь автоматически прерывалась, когда закрываешь монитор, но это не беда. Беспроводная локальная сеть в каютах была бесплатной и функционировала превосходно, по меньшей мере пока они находились вблизи побережья. После ужина, в начале одиннадцатого, казалось, что не многие пассажиры находились в диалоговом режиме. По всей видимости, большинство пассажиров «Султана» в этот первый вечер сидели в одном из баров, в водном театре, где сегодня давали представление фигуристы со своим ледовым ревю, в 4D-кинотеатрах или прогуливались на верхней палубе, наслаждаясь относительно теплым ночным воздухом.

Лиза плотно поела, заказав вместе с матерью ужин из пяти блюд в одном из ресторанов, по сравнению с которым столовая в экранизации «Титаника» показалась бы пунктом раздачи пищи для бездомных. Шестьсот пассажиров могли одновременно трапезничать в двух огромных залах, расположенных на двух уровнях и связанных между собой парадной лестницей, состоящей из двух крыльев. За каждый стол отвечал отдельный официант в ливрее. По лицу пижона, который обслуживал их стол, Лиза заметила, как он был уязвлен тем, что в своей черной плиссированной юбке и майке с короткими рукавами и с

изображением черепа она не полностью соответствовала нарядно-повседневному дресс-коду, рекомендованному для посещения ресторана.

Плевать мне на это.

Лучше бы он подал ей жареную колбасу с соусом карри, а не полусырое мясо в каком-то непонятном сливовом соусе. Оно не понравилось Лизе в такой же степени, как и вопросы обеспокоенной матери: «Ты себя хорошо чувствуешь, малышка? У тебя проблемы? Хочешь поговорить об этом?»

В конце ужина Лиза действительно так устала от своей постоянной лжи, что ей даже не пришлось притворяться утомленной, чтобы ей наконец получить позволение отправиться в свою каюту.

Она активировала окошко в браузере, которое открывала в последний раз. Easyexit открылся в течение считаных секунд, и она снова оказалась в личном и, как заверила ее Кверки, многократно закодированном чате.

Муншэдоу. Извини, я снова в Сети.

Кверки. Твоя мать?

Муншэдоу. Ложная тревога.

Кверки. Ты думаешь, она что-то подозревает?

Муншэдоу. По меньшей мере, она нашла видео.

Охотнее всего она бы еще во время ужина высказала матери всю правду в лицо, когда та после долгих колебаний наконец решилась заговорить и с озабоченным видом спросила, было ли видео «подлинным».

Да, мама, потаскуха в Интернете – это я. Но это не та причина, по которой я готова вскрыть себе вены или броситься под поезд метро. Только не из-за видео.

Лиза почувствовала, как ее вновь охватывает гнев.

Послушайте, файл бродит в Сети уже несколько недель. Просто удивительно, что прошло столько много времени, прежде чем ее мать обнаружила его. И то только потому, что Шиви сбросил его ей.

И теперь она была в шоке, а ведь это она сама проститутка, которая трахается с ее школьным наставником. Дрянь, безмозглая корова, вероятно, думала, что от траханья становишься невидимым. При этом достаточно было лишь в неподходящий день и в неурочное время пройти мимо неудачно выбранного ими кафе и увидеть, как они запихивают друг другу язык в глотку. Блевотина.

Кверки. Эй, ты еще здесь?

Лиза уставилась на мерцающий курсор. В этом Easyexit-чате писали белыми буквами на черном фоне, что было вполне уместно на форуме «взаимопомощи» самоубийц, но при продолжительной работе сильно утомляло глаза.

Муншэдоу. Когда самое лучшее время сделать ЭТО?

Кверки. Не сию минуту, пусть она сначала уверится в том, что с тобой все в порядке.

Муншэдоу. Я думаю, что сегодня мне удалось убедить ее в этом.

Уже при отчаливании от берега она устроила шоу, достойное «Оскара», и сделала вид, что безумно рада поездке.

Это так круто, мамочка.

Ей даже удалось выдавить из себя слезу. А затем она дала на бис представление за ужином.

«Не беспокойся, – сказала она своей матери. – Это видео – фейк, фальшивка. Это не я. И все мои друзья знают это. Никто в моей школе не принимает всерьез эту дрянь. Мы только смеемся над этим, я и мои подруги».

«Мои подруги и я», да, мама. Я знаю!

«То, что сейчас я редко встречаюсь со своими школьными подругами, связано с моим другом. Да, у меня есть друг. Вот я и призналась. Ух! Я не хотела тебе об этом говорить, поэтому и вела себя так странно в последнее время. Нет, это не то, о чем ты думаешь. У нас с ним не было ничего, кроме обнимашек».

При этом воспоминании ей в голову пришло что-то веселое, и Лиза решила обязательно сообщить об этом Кверки:

Муншэдоу. Я сказала маме, что мы с тобой были влюбленной парой.

Кверки. Хе!

Муншэдоу. Когда я ей сказала, что дружу с мальчиком, она спросила меня, как его зовут, единственное, что мне пришло в голову, был твой псевдоним.

Кверки. Она поверила, что твоего друга зовут КВЕРКИ???

Лиза невольно улыбнулась.

Муншэдоу. Я сказала ей, что это прозвище от Кверкус, твоей фамилии.

Кверки. Ах, послушай, если бы ты знала, как это смешно…

«Он старше меня, – продолжала она сочинять. – Ему семнадцать. Ты наверняка с ним скоро познакомишься. Только не говори ничего об этом папе, хорошо?»

Ее мама посмотрела на нее с таким облегчением, как некогда ее лучшая подруга, когда после одного из выездов класса на экскурсию у той снова начались месячные, из-за задержки которых она так переживала.

Ее отец никогда не поверил бы в такой вздор. Лиза считала, что адвокаты по своей природе менее доверчивы.

Легкое жужжание вывело Лизу из задумчивости. Но это был всего лишь мини-бар, из которого она достала бутылочку колы, бесплатную, как и все остальные напитки и еда на «Султане».

Вернувшись на кровать, она снова уселась, скрестив ноги, отпила глоток из крошечной бутылочки и бросила взгляд на балконную дверь, в которой отражалась вся каюта. Корабль начал разворачиваться, в то время как она продолжила барабанить по клавишам своего ноутбука:

Муншэдоу. Я читала, что утопление – это круто, невероятно болезненно, и это не опьянение, как пишут некоторые.

Кверки. Ты не должна думать об этом, такие мысли только мешают тебе.

Легче сказать, чем сделать. Она постоянно думала о боли. Это началось с развода ее родителей. Ее отец оказался первым, кто покинул ее. Но, к сожалению, далеко не единственным. Как ни странно, душевные муки были гораздо сильнее, чем физическая боль. Наоборот, когда она себя царапала, физическая боль была единственным, что она чувствовала.

Только Лиза собралась спросить Кверки, когда завтра ей надо будет снова войти в сеть, как мини-бар снова зажужжал. Сбитая с толку, она встала.

Жужжание было слишком равномерным для случайного сбоя в работе бара. Она хотела послать сообщение своему собеседнику по чату, что на минутку выйдет из Сети, чтобы осмотреться в каюте, но Кверки опередила ее:

Кверки. Что это жужжит у тебя все время???

Лиза испуганно прикрыла рот ладошкой.

Она проверила иконки на экране своего ноутбука. Микрофон и веб-камера были выключены.

Как могла Кверки это услышать?

Жужжание стало громче, когда она открыла дверцу мини-бара, расположенного в тумбочке под телевизором.

В небольшом внутреннем отсеке находилось около дюжины бутылочек, безалкогольные напитки и пиво, кроме того, в боковом отсеке лежали пакетики с арахисом и стояли крошечные бутылочки со спиртными напитками. Но там не было ничего, что могло жужжать. И тем не менее равномерное жужжание продолжалось.

Тогда Лиза открыла морозильную камеру и была вознаграждена за свою настойчивость.

Рядом с емкостью для кубиков льда лежал небольшой голубой конверт с логотипом пароходной компании. Пузатый конверт делал нечто, что заставило Лизу с испуганным криком отпрянуть от холодильника: он вибрировал. В первый момент она подумала, что это червяки извиваются внутри конверта, однако это было невозможно.

Только не при минус восьми градусах. И червяки не жужжат через равномерные промежутки времени!

Лишь через некоторое время Лиза подумала о том, что напрашивалось само собой, вынула конверт из морозилки и открыла его.

Действительно.

Конверт оказался на подкладке и имел хорошую изоляцию, поэтому сотовый телефон, который она вынула из конверта, даже не был слишком холодным на ощупь.

– Алло?

– Ну наконец-то, – прозвучал голос, который она представляла себе совсем иначе.

– Кверки? – спросила Лиза, понизив голос, чтобы мать, находившаяся в соседней каюте, не могла ее услышать.

– А кто же еще?

– Батюшки мои! – Лиза облегченно рассмеялась. Ее сердце колотилось, как после забега на стометровку. – Ну ты меня и напугала.

– Почему же, моя услада? Я же тебе сказала, что буду сопровождать тебя во время твоего большого плавания. – Кверки тоже рассмеялась. – Я приготовила для тебя отвертку, аэрозольный баллончик с краской и схему расположения камер видеонаблюдения. Слушай внимательно, Лиза, я скажу тебе, где и как ты все это найдешь!

Глава 16

Судовое время 8:30

49°40 с. ш., 7°30 з. д.

Скорость: 27 узлов; ветер: 15 узлов

Волнение на море: 1,5–4 фута

Удаление от Саутгемптона: 219,6 морской мили

Кельтское море

«Только для экипажа» – было написано на стальной двери, которая уже одним своим красным цветом как бы сигнализировала, что постороннему здесь было нечего делать.

Доктор Елена Бек вставила свою кодовую карту в считывающее устройство, и раздался звуковой сигнал, похожий на жужжание электробритвы.

– Чтобы вы сразу уяснили себе, – заявила она и надавила плечом на дверь, открывавшуюся вовнутрь, – я не считаю хорошей идеей, что к ней допускают постороннего человека…

– Да неужели, – преувеличенно удивился Мартин. – А я уже подумал, что у вас такой мрачный вид только из-за того, что вчера вам так и не удалось сделать мне укол.

Докторша и бровью не повела.

– Но, с другой стороны, – дополнила она свою мысль, – я очень рада, что об Анук позаботится психолог, который хорошо разбирается в вопросах насилия и знает, как вести разговор с жертвами насилия. Малышке пригодится любая помощь.

Мартин последовал за докторшей; переступив через высокий порог, он оказался в узком, ярко освещенном коридоре.

Технологические переходы на палубе А, находящейся у самой ватерлинии, имели мало общего с удобными коридорами пассажирских палуб. Вместо толстого напольного покрытия приходилось шагать по линолеуму, обшивка стен была покрыта серой краской под цвет бетона, и здесь не видно было на стенах картин в дорогих рамах.

– А где же наш трус? – спросил Мартин.

Он чувствовал себя совершенно разбитым, и ему казалось, что ночью он не спал и часа. Вчера, приняв душ, он лег, как был раздетым, на слишком широкую для одного человека кровать и таращился в потолок до тех пор, пока солнце снова не взошло над Атлантикой. Потом он принял свои пилюли и снял трубку телефона, чтобы задать жару Бонхёфферу и узнать, когда же его наконец пустят к Анук Ламар. Сейчас было немногим более половины девятого судового времени (во время трансатлантического плавания в западном направлении часы переводились каждую ночь на один час назад), в общей сложности ему пришлось ждать почти три часа, пока доктор Бек не зашла за ним в его каюту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От английского bug – вирус и party – вечеринка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sebastyan-fitcek/dvadtsat-tretiy-passazhir-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить